ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 157 (4123)
Четверг,
24
декабря
1959 г.

Цена 40 коп.

Кустанайская область. В Кень-Аральском зерносовхозе. На снимке: у центральной ремонтной мастерской. Фото В. Давыдова

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

22 декабря 1959 года в Большом Кремлевском дворце открылся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум ЦК утвердил следующую повестку дня:

О дальнейшем развитии сельского хозяйства (о мероприятиях по выполнению решений XXI съезда КПСС и декабрьского (1958 г.) Пленума ЦК о подъеме земледелия и увеличении производства зерна, сахарной свеклы, хлопка и других технических культур, картофеля, овощей, фруктов, винограда и других продуктов растениеводства; о развитии общественного животноводства и увеличении производства мяса, молока, шерсти, яиц и других продуктов животноводства; об укреплении колхозов и совхозов кадрами; о дальнейшей механизации сельского хозяйства, повышении производительности труда и снижении себестоимости продукции; об укреплении общественного хозяйства колхозов и повышении материального благосостояния колхозников) — доклады: Совета Министров РСФСР, ЦК Компартии Украины, ЦК Компартии Казахстана, ЦК Компартии Белоруссии, ЦК Компартии Узбекистана, ЦК Компартии Таджикистана и ЦК Компартии Азербайджана.

На утреннем заседании Пленум ЦК заслушал доклады: кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, Председателя Совета Министров РСФСР тов. Д. С. Полянского, кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, Первого секретаря ЦК Компартии Украины тов. П. В. Подгорного, члена Президиума ЦК КПСС, Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана тов. Н. И. Беляева.

На вечернем заседании были заслушаны доклады: кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии тов. К. Т. Мазурова и Первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана тов. Ш. Р. Рашидова.

Для участия в работе Пленума ЦК приглашены первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик не члены ЦК, секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов партии, ведающие сельским хозяйством, заведующие сельскохозяйственными отделами ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов партии, некоторые секретари райкомов партии; председатели Советов Министров союзных и автономных республик, заместители председателей Советов Министров союзных республик по сельскому хозяйству, председатели совнархозов, министры сельского хозяйства союзных и автономных республик, начальники краевых, областных управлений сельского хозяйства, министры водного хозяйства союзных республик; некоторые директора совхозных трестов и совхозов; ученые, председатели колхозов, передовики сельского хозяйства; начальники и главные конструкторы государственных и специальных конструкторских бюро по тракторостроению и сельскохозяйственному машиностроению и главные инженеры заводов, директора и главные инженеры тракторных заводов, а также ведущих заводов сельскохозяйственного машиностроения; руководители научно-исследовательских институтов по механизации сельского хозяйства и другие руководящие работники министерств и центральных ведомств; редакторы центральных газет и журналов; ответственные работники аппарата ЦК КПСС.

23 декабря Пленум ЦК КПСС продолжал свою работу.

Утреннее заседание началось докладом Первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана Т. Ульджабаева.

Мы рады доложить Родине, Центральному Комитету партии, заявил тов. Ульджабаев, что хлопкоробы Таджикистана перевыполнили взятые на себя социалистические обязательства, продали государству 475 тысяч тонн хлопка-сырца, в том числе сверх плана 25 тысяч тонн. Теперь в республике нет колхозов и совхозов, получающих менее 20 центнеров хлопка с гектара.

Тов. Ульджабаев сообщает, что республика досрочно выполнила план продажи государству мяса, молока, яиц, шерсти, каракульских смушек, кожевенного сырья, косточковых плодов, овощей, картофеля, бахчевых, шелковичных коконов. Увеличение производства и заготовок мяса, молока и других продуктов животноводства сопровождалось дальнейшим ростом поголовья общественного скота. Колхозы и совхозы в короткий срок создали новую для Таджикистана отрасль животноводства — тонкорунное овцеводство.

Вместе с тем есть серьезные недостатки и упущения в развитии сельского хозяйства республики. Тов. Ульджабаев сказал, что ЦК Компартии Таджикистана наметил практические мероприятия по устранению этих недостатков. Труженики сельского хозяйства республики борются за то, чтобы достигнуть в 1964 году уровня производства хлопка, мяса, фруктов, винограда и коконов, установленного на 1965 год, выполнить семилетний план по производству мяса, молока и шерсти в 1963 году.

Затем с докладом выступает Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана В. Ю. Ахундов. Приведя данные, свидетельствующие об успехах тружеников сельского хозяйства республики за минувший с 1953 года период, тов. Ахундов сказал, что эти успехи могли быть большими, если бы не серьезные ошибки и упущения в работе и, в частности, в руководстве сельским хозяйством Азербайджана. Эти ошибки вскрыты с партийной остротой и принципиальностью на прошедших с июля 1959 года трех пленумах ЦК Компартии Азербайджана. Разработаны и осуществляются меры по их исправлению. Коммунисты и все трудящиеся Азербайджана высоко оценили заботу Президиума ЦК КПСС, оказавшего помощь партийной организации республики в улучшении ее деятельности.

Значительное место докладчик уделил вопросам укрепления руководящими кадрами колхозов и совхозов, укрупнения сельских Советов и колхозов, совершенствования партийного аппарата. Мы считаем, сказал далее докладчик, что по примеру партийных организаций промышленных предприятий следует и в колхозных парторганизациях создать в зависимости от конкретных условий комиссии по контролю за выполнением планов развития производства и продажи сельскохозяйственных продуктов государству, по контролю за использованием сельскохозяйственной техники и механизации колхозного производства, за снижением себестоимости сельскохозяйственной продукции.

После выступления тов. Ахундова на Пленуме начались прения по докладам.

Лицом к лицу с правдой

Вышла в свет книга «Лицом к лицу с Америкой». Написанная двенадцатью советскими писателями и журналистами, эта книга уже широко известна в Советском Союзе и за рубежом по отрывкам, публиковавшимся в печати. И все же, хотя советские люди много знают о поездке Никиты Сергеевича в Соединенные Штаты Америки, интерес к ней огромен. Это и естественно: в нашей стране с неослабным вниманием относятся к историческому визиту главы Советского правительства за океан. Несомненно, эта книга вызовет отклики и в зарубежных странах. Иностранные обозреватели удивляются: как это «человек Запада», привыкший к сенсациям-однодневкам, продолжает до сих пор обсуждать результаты визита Н. С. Хрущева в США? Да, видно в психологии «человека Запада» происходят изменения...

Авторы назвали рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США «Лицом к лицу с Америкой». «Такое название, — указывают они, — как нам представляется, точно отражает то, что произошло. Разбуженная Америка встречала, слушала, узнавала». И американские представления о «советском режиме» столкнулись лицом к лицу с правдой. Помещенные письма простых американцев убедительно говорят о коренном переломе, который произошел в памятные сентябрьские дни.

Когда читаешь эту книгу, испытываешь самые разнообразные чувства — от симпатии до презрения, от гордости до сожаления. Одного лишь не испытываешь — равнодушия. Она захватывает, влечет за собой, убеждает неумолимой логикой.

Авторы не определили жанра книги. Да в этом и нет необходимости. Она заинтересует любителя и длинных повестей, и коротких рассказов, поклонников исторических книг и тех, кто интересуется жизнью за рубежом. В ней в живой, увлекательной форме рассказано о том, что каждый из нас знает лишь по газетным отчетам из Америки. И каждый убедится в том, сколь велика сила нашей правды, сокрушающей льды холодной войны, рассеивающей недоверие, неприязнь между народами. Он еще раз почувствует, как своей неутомимой и кипучей деятельностью Н. С. Хрущев возвысил социалистическую Родину.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Абашидзе И. В. орденом Трудового Красного Знамени

В связи с пятидесятилетием со дня рождения писателя Абашидзе И. В. и отмечая его заслуги в развитии советской литературы, наградить тов. Абашидзе Ираклия Виссарионовича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль. 22 декабря 1959 г.

Султан АКБАРИ

НАШ ТРУД

Я дом оставил — штурмовать
с друзьями
Песчаный перелог.
Пропал мой след, умноженный
следами
Десятков, сотен ног.

Чтоб залежи глухие стали
садом
И сдались сушь и зной,
Перенахал я пласт земли —
с другими рядом, —
Да вот забыл — какой...

...В дни юности
На пустыре, за талом
С отцом я строил дом.
Тал нынче стал аллеей,
Дом — кварталом,
Брожу в квартале том...

А где мой дом? Иду от дома
к дому...
Который мой?..
А сердце говорит: — Иди
к любому —
Придешь домой...

Перевел с узбекского Геннадий КЕММЕЛЬ

Федор ПАНФЕРОВ

...И движемся дальше!

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

На СЕВЕРНОМ Кавказе я был в тридцатых годах — в годы бурной сплошной коллективизации. Я внимательно изучал тогда комбинированное хозяйство совхоза «Хуторок» под Армавиром. Отсюда по железной дороге или попутчиком, а частенько пешечком навещал ряд станиц, таких, как Невинномысская, Прочноокопская, Новопавловская, и задерживался у «пионеров» того времени — в сельскохозяйственных коммунах.

В те годы все мы были настроены, мягко говоря, в высшей степени романтично. Увлекало, не могло не увлечь то подлинно народное движение за коллективизацию сельского хозяйства, которое нарастало с каждым днем. Все казалось близким, доступным и ясным — люди шли в «коммунию». Почему-то не замечали мы даже той особой сложности, с какой происходила коллективизация в краю коренного казачества — людей, всеми обстоятельствами воспитанных в иных условиях, нежели обычные крестьяне.

Здесь было немало «удалых голов», как называли их. Были такие, что выбрасывали лозунг «Даешь сплошь!» и пытались осуществить сплошную — повсеместную и одновременную — коллективизацию, сразу же обобществить весь инвентарь и даже всю живность. Кулаки этим пользовались. Партия исправила ошибки слишком ретивых организаторов, пытавшихся кое-где наспех решать очень сложные вопросы социалистического переустройства деревни. Головокружение от успехов прошло. Излишняя торопливость, конечно, была не нужна, когда дело касалось глубинных процессов.

Помню, в одной из станиц, кажется, Прочноокопской, возбужденные жители-казаки ранним утром высыпали на улицу, где разбились на группы, споря до хрипоты по вопросу о том, что лучше: индивидуальное ли хозяйство или коллективное. Это шла предварительная подготовка к общему собранию, назначенному на двенадцать часов дня, где будет поставлен вопрос об организации колхоза в станице.

И вот к назначенному часу к клубу подкатила тачанка, из нее выпрыгнули секретарь райкома и председатель райисполкома.

Я слышал, как секретарь райкома сказал председателю райисполкома:

— Быстренько подкуем тут и поехали. Ты доклад-то не тяни. Покороче, без этого все ясно!..

После доклада секретарь райкома обратился к собранию:

— Ну кто против колхоза? Прошу поднять руку.

Ни одна рука не поднялась. Да и как ее вскинуть-то. Ведь большинство сидящих здесь в годы гражданской войны бились насмерть за Советскую власть. А тут Советская власть предлагает организовать колхоз.

А секретарь райкома продолжал:

— Ну вот, стало быть, у вас в станице организован колхоз. Поздравляю! Назовем его так: «Большевик». Желаю вам веселой работы и великого урожая.

Но не успел еще он сойти со сцены, как в зале поднялся пожилой, с крупными руками (видимо, рубака) казак и, держа в левой руке шапку, тыча ею в сторону приезжих, сказал:

— Легко руку-то за колхоз подымать, когда она пустая. А я в руке-то коня, волов, всю, стало быть, свою жизнь поднимаю!

Вот эти слова казака я запомнил на всю жизнь. Да, войти в колхоз — это проголосовать всем своим индивидуальным хозяйством, расстаться с привычным, веками установленным и двинуться в неизвестность, туда, где никто еще не был, где все неизведанно.

А многим казалось тогда это легко достижимым. Вспоминаю, что я увидел в те дни в сельскохозяйственной коммуне «Пролетарская воля».

Первое, что бросилось в глаза, это лозунг, вывешенный во всю длину стены в бывшем барском доме и гласящий: «Подгонка рублем — позор для коммунара».

Хорошо. В самом деле, к чему это в «Пролетарской воле» подгонять рублем? Сознательного-то человека? — подумал я. И спросил председателя коммуны, как фамилия вон той шустрой, говорливой коммунарки?

— А мы фамилии ликвидировали. У всех одна — Пролетволя. Это Анна Пролетволя, а то вон идет Степан Пролетволя, я — Михаил Пролетволя.

Опять, думаю, хорошо. К чему это — держаться за старые клички, и направляюсь на скотный двор.

Здесь коровы стоят в особых станках, на каждой двери написаны красивые названия: Роза, Пламя, бык Вперед.

Тоже здорово.

Открываю дверь к Розе. Открыл и, ошарашенный, попятился: Роза стоит в таком навозе, что соски касаются жижи. Спрашиваю мимо пробегающую ту шуструю Анну Пролетволю: — Сколько же молока дает Роза?

— С чирышек! — полуигриво отвечает та.

— Это что — чирышек?

— С наперсток! Губы только помазать...

Тут я понял: да, нелегкое это дело весь уклад хозяйства и самого хозяина перестраивать на новый лад.

ПРОШЛО больше тридцати лет. Что же ныне там, на Северном Кавказе, в Ставрополье, главным образом куда я и направился.

За Армавиром поднимаюсь с постели чуть свет и через окно вагона взволнованно смотрю на поля. В те года, помню, поля заросли такими сорняками, что в них скрывались стада коров, косяки коней. Сейчас поля обработаны красиво: зеленеют озими, вороным крылом лежит зябь. Солома всюду по-хозяйски скопнена. И лесопосадки.

Значит, казак не только проголосовал (поднял не пустую руку) за колхоз, но и украсил землю своим трудом.

Скорее в бывшую коммуну, ныне колхоз «Пролетарская воля»!

Ну что же? Его невозможно по постройкам, людскому составу и богатству сравнивать с той сельскохозяйственной коммуной, где был вывешен лозунг: «Подгонка рублем — позор для коммунаров». Тогда это был хуторок с десятком коммунаров. Ныне в колхозе около двух тысяч трудоспособных. В хозяйстве — четырнадцать тысяч гектаров пахотной земли, садов — восемьсот гектаров, под виноградником, малиной, ягодой — больше ста гектаров, рогатого скота с молодняком около шести тысяч голов. Да какой скот, — залюбуешься! Огромное поголовье свиней, кур, уток.

В колхозе три средние школы. Зданием школы, недавно построенной на центральной усадьбе, мог бы похвастаться любой город. Закладывается Дворец культуры. Имеются прекрасная баня, хлебопекарня, маслозавод. Заканчивается строительство крупного консервного комбината по переработке фруктов и овощей. Здесь же намечено построить для рабочих комбината не отдельные домишки, а двух-трехкомнатные дома с паровым отоплением, газом и всеми удобствами.

И всюду молодежь — комсомольцы с восьми- и десятиклассным образованием.

Все это очень отрадно. Все это говорит о том, что колхоз сегодня — могучий и сильный организм, и живет он напряженно, интересно, разумно. И материально, и духовно в колхозе все на крутом подъеме. И сам хозяин земли русской стал иным. Возникают проблемы, споры, ситуации, которых не знала и знать не могла еще несколько лет назад паша деревня. Вот, например, в этом колхозе нам сообщили, что вся молодежь учится, но тут же возник спор, о котором я и хочу рассказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ колхоза Семен Васильевич Луценко руководит колхозом уже более двадцати лет. Это человек среднего роста, энергичный, умный, хитрый. Когда он беседует с кем-либо из приезжих (а тут им несть числа), то прищуривает левый глаз и правым сверлит собеседника. Услыхав о том, что нас уверяют, будто вся молодежь продолжает образование в вечерних школах и заочно, он вдруг произносит пока еще непонятное для нас:

— Заводские порядочки нам сюда нужны.

— А что это такое?

— А вы спросите вон Нюру... Она у нас десять классов окончила... Теперь на заочном. Спросите, как она учится.

Мы подходим к доярке Нюре и спрашиваем, как ее успехи на заочном. Сначала у нее порыв — похвастаться, как похвастались те, кто уверял нас, что вся молодежь продолжает образование. Но вдруг она искривила губы и махнула руками:

— Дел много. На все времени не хватает. Когда учусь, когда нет...

Так же пожаловались мне доярки на нехватку времени для учебы и в колхозе «Коммунистический маяк».

Оказалось: утром на то, чтобы отдоить коров, помыть доильные аппараты и убрать в стойлах, уходит всего два с половиной часа и вечером столько же. Всего пять часов. А на ферме девчата проводят двенадцать—пятнадцать часов.

Что же надо предпринимать, чтобы устранить пустую «болтанку» и уплотнить рабочий час, создать молодежи все условия для продолжения образования? Долго мы с председателем «кумекали», как быть. И никак ни до чего докумекаться не могли. Но вот из комнатушки вышла доярка Тамара Гусарова и, подойдя к нам, подсказала то, над чем, видно, не раз она задумывалась:

— Разбейте нас на две смены. Утром мы, две доярки, обрабатываем всех коров, вечером наши сменщицы в такие же часы сделают то же. И тогда не торчи 12—15 часов на ферме.

Простое и мудрое решение. Его приняли. И в соседних колхозах, узнав об этом, сделают то же.

Уплотнение полезного рабочего часа во всех колхозах созрело так же, как созревают грузди под листом: нам стоило только приподнять лист, и грузди — в кузове.

После всего этого мы поняли смысл слов председателя колхоза Луценко:

— Заводские порядочки нам нужны!

Все это — и прошлое, и настоящее в жизни колхозной деревни вспомнилось мне сейчас, в дни Пленума Центрального Комитета нашей партии. Большой, трудный и славный путь прошло под руководством партии колхозное крестьянство и движется дальше.

СТАВРОПОЛЬ

Черненко — человек действия

— На что тебе машина?

— Як на що? Свадьба ж на недили!

— Значит, перевозить приданое в дом жениха?

— А як же!

— Ну что ж, дело доброе. Желаю счастливой жизни и побольше детей. А бухгалтеру скажи, что я велел наряд на машину выписать.

— Вы ж заходьте, Иван Владимирович, — уже в дверях говорит невеста.

— Вот беда, — довольно смеется Черненко, когда мы остаемся одни в его председательском кабинете. — Завтра в нашем селе сразу восемь свадеб. Значит, давай восемь автомашин.

Лет пять назад редкий председатель, помнится, не жаловался, что вот, дескать, старые колхозники на покой уходят, а замены им не видать: парни и девушки в город норовят. Теперь этих разговоров стало куда меньше. Жизнь на селе пошла другая, и много молодых людей, окончив школу, остается в родном селе. Но вот столько молодежи, сколько в колхозе имени Сталина, колхозе, которым руководит Герой Социалистического Труда Иван Владимирович Черненко, я еще нигде не встречал.

Животноводческая ферма в первой бригаде... Из пятнадцати доярок — десять молодых. И почти все окончили среднюю школу. Четверо учатся в сельхозтехникуме, шесть человек готовятся поступить туда же в будущем году. Много молодых среди шоферов. О механизаторах и говорить не приходится.

В чем тут дело, чем «приманил» Черненко молодежь? Чтобы понять это, достаточно не спеша пройтись по селу Виры и посмотреть, что и как.

Смотрите-ка, сколько новых домов красуется на улицах! В конторе вам могут дать справку: за последние два года в Вирах выстроено около двухсот домов. Это значит, что строился каждый пятый член сельхозартели. Для безлесной местности это просто поразительно! Где люди добыли столько пиломатериалов? Оказывается, в северные области страны колхоз послал заготовителей,—и пожалуйста: идет колхозник в бухгалтерию, платит деньги и получает со склада столько леса, сколько ему нужно на новый дом или на ремонт старого. Точно так же с топливом: каждый получает его с колхозного склада.

А заработки? Совсем еще недавно они были низкими. Но за десять лет доход колхоза вырос до восьми миллионов рублей в год. Люди отказались от натуральной оплаты трудодня и теперь получают за свою работу не в кладовой, а в кассе. Сколько? По-разному. Все зависит от квалификации человека, от того, какую работу он выполняет. Но вот пример: женщина в летнее время зарабатывает в полевой бригаде до 1200 рублей в месяц.

Все это — экономическая, так сказать, сторона жизни. Ее принято считать главной. Черненко вносит поправку: до известного времени. А как только материальная жизнь колхозника налажена, на первый план выступает культура. И тут же рассказывает любопытные вещи, которые интересны не только председателям колхозов.

— Заметил я, что мои хлопцы и девчата с какой-то завидкой на городских поглядывают. В чем дело, спрашиваю? А ты посмотри, председатель, какая одежда на городских. И правда, городская молодежь одета получше. Прихожу в наш сельмаг, а там и в самом деле ассортимент беднее, чем в городе. Ну, ладно, думаю, раз сельская торговля отстает от жизни, сам этим делом займусь. Пошел к нашей учительнице, которая одевается в селе красивее всех, и спрашиваю: что на вас за шаль такая? А пальто из какого материала пошито? А платье? А обувь на вас как называется? Все у нее порасспросил и в свой блокнот записал. Сажусь в машину и — в Сумы. Первым делом — на торговую базу. Даю директору список. Вот, говорю, чтобы все это у меня было в неограниченном количестве. Потом заглянул в ателье. Дайте, говорю закройщикам, самые модные материалы, выкройки и садитесь со мной в машину — в нашем колхозе всему ателье хватит работы. Вот с того все и пошло. В прошлом году мы таким порядком на 200 тысяч рублей разных материалов в колхоз завезли.

...Забота о человеке у Черненко — на первом плане. Это чувствуется по всему. Я не говорю о таком, как баня или электростанция, — они в Вирах появились давно. Но вот зайдите в комнату отдыха животноводов при ферме, и вас удивит чистота, уют, даже комфорт. Комната обставлена мягкой мебелью, на столах — газеты и журналы. А сейчас в Вирах строится дом культуры. Колхоз отпустил на это два миллиона сто тысяч рублей.

Есть председатели, которые все на свете могут объяснить и растолковать. Начнут говорить — заслушаешься. Да вот беда: иной такой председатель будет год, два, три года говорить об «объективных» причинах, мешающих его колхозу выбиться в передовые, но так и не сделает ничего, чтобы исправить положение.

Черненко — человек действия. Он и рассуждать любит, но за рассуждением у него сразу же следует действие. Сейчас он первый в Ульяновском районе Сумской области. А кто второй? Его воспитанник, бывший заместитель Григорий Иванович Демьяненко, который руководит колхозом «Ленинский шлях». И идет этот колхоз буквально по пятам за хозяйством Черненко.

Я не случайно заговорил об этом. Давно замечено: есть председатели, стоящие на голову выше всех остальных в своем колхозе. Но уйдет этот председатель из артели, и вот уж некем его заменить, не воспитал он себе равного.

Черненко, как мы убедились, не из таких. Порфирий Водяной, Петро Гладенко и другие его воспитанники сейчас успешно руководят в других местах. Да у него и теперь помощники — дай бог, как говорится, каждому! Алексей Гашенно, Иван Котенко, Евгений Коваленко — этих хоть сегодня ставь во главе любого хозяйства.

Я смотрю на Ивана Владимировича и думаю: а ведь он сегодня уже не исключительный человек, совсем нет. Такие, как он, найдутся теперь в любом районе, не то что в области.

Виктор КАМАНИН

Село Виры Ульяновского района, Сумской области

Идет металл Бхилаи... Героические совместные усилия индийских и советских рабочих и специалистов принесли [illegible] тельные плоды.

ОБЛАСТЬ И ЕЕ ПРОФИЛЬ

В. АГРАНОВСКИЙ,
А. ВЕЛИЧКО

Боги ОВЕЦ — чабаны встретили, по рассказам читинцев, известие о производстве искусственной шерсти из древесины, как это и положено богам, с мудрым спокойствием.

Одни расценили это как шутку и снисходительно ответили тоже шуткой. Поглядывая на бронзовые стволы сосен, — а сосны здесь окружают горные пастбища, дружно и плотно прижимаясь друг к другу, как овцы в отаре,— они лукаво прищурились:

— Вот только как их стричь — высоко лазить. Неудобно. Однако тоже ведь говорили, что неудобно будет, если волосы на ладони вырастут. Привыкнем!

Другие, люди более сведущие, приняли это известие всерьез, расспросили, сколько можно получить килограммов шерсти из кубометра древесины, одобрили, усомнившись лишь в качестве,— вряд ли получится такая же чудесная шерсть, как у этих вот овец. Надо сказать, что местные чабаны вместе с учеными несколько лет упорно работали над тем, чтобы создать свою, особую, читинскую породу тонкорунных овец, которых приезжий академик назвал полушутя-полусерьезно «стальными овцами». Выносливость и высокая производительность их в суровых условиях Забайкалья необычайна: почти всю зиму они живут на подножном корму, а в жестокие морозы лишь гуще обрастают великолепной длинной шелковистой шерстью.

— Нет,— говорили чабаны, взрастившие этих овец.— Пусть там свое делают, а мы свое. Наше руно золотое, а придумать и сделать настоящее золото никому еще не удалось.

Третьи, более склонные верить в чудеса техники, согласились, что, возможно, придет время, когда шерсть из древесины будет не хуже овечьей, а может, и лучше. Что ж тогда? Конец овцам? Чабаны, верующие в технический прогресс и науку, удивленно и насмешливо пожимали плечами:

— Это зачем же — конец овцам? Чабан может обидеться. Чабан свою думу думает, свое дело делает. Нужна шерсть — пожалуйста, создали тонкорунных овец. Не нужна? Пожалуйста — сделаем из них мясных. Была одна порода, будет другая. Уж поверьте нам, сделаем!

И улыбнулись, поистине, как боги.

Приходилось ли вам видеть чабана, когда он стоит, опираясь на свой пастырский посох, среди подвластных ему овец — в стужу ли, в зной, стойкий, как изваяние? Горы — а Забайкалье горный край — и высокие мохнатые сосны, окружающие горное пастбище, делают это зрелище еще более величественным. Человек и его дело вписаны, как говорится, в пейзаж. И это не только внешнее, зрительное впечатление. Так и по существу: природа и человек и его дело неотрывны друг от друга. И для Забайкалья чабан — главная фигура. Таковы природные условия: здесь есть все для развития овцеводства. Это и определяет лицо области, вернее, ее животноводческий профиль. Чабан здесь то же, что садовник в саду, пчеловод на пасеке, сталевар у мартена, профессор на кафедре.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

И то, что рассказано в начале этой статьи, свидетельствует об одном: чабаны глубоко уверены в том, что никакие силы не смогут оторвать их от дела, самой природой для них предназначенного.

Но так ли это?

Есть, оказывается, сила, которая, природе вопреки, мешает чабану быть главной фигурой. Сила эта хотя и находится за тридевять земель от него, где-то в канцеляриях Госплана, но она делает свое дело, и «стальные овцы» ощущают это на своей шкуре.

Если побывать на дорогах, ведущих к Чите, можно увидеть огромные отары овец, которые движутся к городу. Они идут медленно, очень медленно. Они не знают, конечно, что это их последний путь, — в Чите их ждет мясокомбинат. Но идут они так медленно по другой причине: за неделю, месяц, а то и за два — три месяца, которые уходят на перегонку их с пастбищ к комбинату, они ослабли, отощали. Все меньше и меньше выпасов встречается на пути их движения, земля вспахана, засеяна, и на ней не прокормишься. Почему же так?

Лицо области изменяется. Профиль ее по-прежнему считается исконным — животноводческим, а вот анфас... Видимо, в Госплане считают, что анфас только тогда хорош, когда он отвечает стандартным требованиям «гармонии». Иначе говоря, от области требуют, чтобы она была поставщиком и животноводческой продукции, и зерновой. А разумно ли это?

Какими успехами могут похвастать хлеборобы области? К сожалению, успехов мало. Климат таков, что урожаи зерновых здесь небольшие, пять—шесть центнеров с гектара, а общее количество зерна, сдаваемое областью государству, не превышает хлебопоставок среднего района Алтайского края, да еще в обычный среднеурожайный год. А план продажи зерна государству ежегодно увеличивается, и выполнение его не может быть обеспечено за счет повышения урожайности. Приходится увеличивать посевные площади и распахивать замечательные природные выпасы. Так из года в год уменьшается кормовая база ведущей отрасли сельского хозяйства области — животноводства. К концу семилетки будет распахано еще 500 тысяч гектаров выпасов, а всего-то их чуть больше двух миллионов.

Мы сделали несложные подсчеты, которые способен сделать любой плановик, будь у него желание. В прошлом году область дала государству 65 тысяч тонн овса. Его стоимость — 42 миллиона рублей. Этим овсом, одним только овсом, можно выкормить 300 тысяч овец. При продаже государству они будут оценены в 112 миллионов рублей. Чистая выгода! Руководящие работники области уже обращались в Госплан с таким предложением. «Мы будем сдавать пшеницу,—говорили они,—но освободите нас от поставок овса и ячменя—это наша кормовая база!—И мы завалим холодильники страны бараниной!» Госплан молчит. Разумеется, этот вопрос нельзя решать с ходу, но решать-то его надо, посоветоваться с областью, прислушаться к ней надо. Правда, положение с кормовой базой у читинцев не выглядит сегодня катастрофическим: план мясосдачи регулярно выполняется. Ну, а как будет дальше? Ведь это политика ближнего прицела: лучше синица в руки, чем журавль в небе!

А много ли проку от этой синицы?

Размышляя об излишнем, с нашей точки зрения, развитии в Читинской области продуктового зерноводства, мы должны сказать и о некоторых излишествах в развитии животноводства. Есть такая отрасль животноводства, которая здесь убыточна. Речь идет о свиноводстве. Если себестоимость шерсти, баранины и говядины приблизительно в два раза меньше их продажной цены, то на каждом килограмме свинины теряется 7—8 рублей. Это и понятно: климатические условия не позволяют выращивать в достаточных количествах ни кукурузу, ни картофель. Их не хватает даже для молочного животноводства. И свиней приходится откармливать драгоценным зерном. Вот ведь куда еще уходит зерно! Но свиньи — в плане, ничего не поделаешь.

Как же быть?

Нам кажется, трезвый и разумный взгляд на развитие сельского хозяйства области восторжествует. Область следовало бы освободить в какой-то части от поставок зерна государству. Тогда расширится кормовая база, тогда появятся возможности пересмотреть семилетний план развития животноводства и увеличить поголовье скота. И прежде всего овец — и тонкорунных, и мясных.

Глубокая уверенность чабанов в том, что они выполняют святое дело, самой природой им предназначенное, бесспорно, справедлива. Такие возможности и такой опыт! Разве не гордость всего Забайкалья «стальные овцы», ими взращенные? Сотворили чудо эти боги овец, и, видимо, не одно еще чудо они могут сотворить. Только мешать им не надо!

ЧИТА, Забайкалье

Людей с научными знаниями в колхозной деревне требуется все больше и больше. Вот почему в селе Новая Усмань Воронежской области возник первый в стране университет сельскохозяйственных знаний. Первый, но не последний!

На снимке: доцент Воронежского сельскохозяйственного института П. Н. Коршаков проводит занятия на факультете животноводства Новоусманского университета. Слева — зоотехник колхоза «Ленинский путь» Е. Г. Щеблыкина.

Фото В. Генде-Роте и А. Зенина

50-летие Д. ХАЛДУРДЫ

Общественность Туркмении широко отметила 50-летие со дня рождения поэта Халдурды Дурдыева (Д. Халдурды) и 30-летие его литературной работы.

Его перу принадлежат — книга «Мое оружие», многочисленные стихи, баллады и сатирические произведения, опубликованные в различных изданиях и неоднократно переводившиеся на русский язык. Более двух десятилетий Д. Халдурды систематически переводит на родной язык произведения братских литератур и прогрессивных поэтов зарубежных стран. В этом году поэт опубликовал перевод 18 стихотворений Мао Цзэ-дуна.

Президиум Верховного Совета Туркменской ССР в связи с 50-летием со дня рождения наградил поэта Халдурды Дурдыева Почетной грамотой.

Тридцать лет спустя

Первый из цикла творческих вечеров, которые начал проводить Центральный Дом литераторов, был посвящен лауреату Ленинской премии Николаю Федоровичу Погодину.

По желанию драматурга, программа вечера была составлена несколько необычно. Вместо традиционного доклада вначале прозвучала «Аппассионата» Бетховена в исполнении Льва Власенко и сразу же сцена из спектакля МХАТа «Третья, патетическая» с Б. Смирновым в роли Ленина. Затем артисты Театра имени Вл. Маяковского с участием В. Орловой показали два отрывка из спектакля «Маленькая студентка». На экране были воспроизведены фрагменты из кинофильма «Первый эшелон». Б. Попов, артист Малого театра, прочитал главу из романа «Янтарное ожерелье».

...Ровно тридцать лет прошло с тех пор, как Николай Погодин принес в Театр имени Евг. Вахтангова свой сценический «очерк»-пьесу «Темп», посвященную людям, строившим Сталинградский тракторный... С тех пор драматург написал около сорока пьес, в которых играли многие выдающиеся мастера советской сцены, он создал ряд киносценариев и недавно закончил большой роман «Янтарное ожерелье». Сейчас МХАТ приступил к работе над его новой пьесой.

Вспоминая первую встречу с драматургом, И. Толчанов рассказал, с какой творческой радостью работал Театр имени Евг. Вахтангова над первой пьесой молодого советского автора.

Задушевно, с юмором поделился Николай Федорович тем, как он «согрешил первой драмой».

— В то время в «Правде», — сказал Н. Погодин, — печатались мои очерки о поразивших и восхитивших меня людях Сталинградского тракторного. Тогда же я увидел на улице афишу «Рельсы гудят» В. Киршона, своего однокашника, товарища по Ростову. И у меня появилась уверенность, что я тоже могу написать пьесу. Семь дней за городом писал я свое первое драматургическое произведение, пытался передать свой восторг зрителям, растрогать их, а чтобы мои герои не надоедали им, старался быстрее уводить их со сцены. Когда пьеса была закончена, я не знал, куда ее девать, мне просто было стыдно и страшно показаться смешным.

Погодин рассказал о большом волнении, с которым он шел, не шел, а бежал, по Миллионной улице в Ленинграде на первую встречу с писателями в квартире Лидии Сейфуллиной. Чуткими и внимательными были слушатели его пьесы: Алексей Толстой, Корней Чуковский, Николай Никитин и другие ленинградские литераторы.

— В день премьеры, — вспоминает Николай Федорович, — пришел я в артистическую к Толчанову и был потрясен тем, что в антракте он вслух читал Пушкина. Я понял тогда, что актер не мог обойтись без поэзии пушкинских строк, чтобы хорошо сыграть моего героя, который говорил тусклые слова...

— Сегодняшний вечер, — сказал Николай Федорович, — можно было бы растянуть на неделю, если показывать отрывки из всех моих пьес, которые шли на сцене. Но если мне сейчас зададут вопрос, знаю ли я, что такое драматургия, отвечу прямо — не знаю. Я услышал такое признание на Первом съезде писателей от Алексея Толстого, тогда оно показалось мне неискренним. Только теперь я стал по-настоящему понимать, что искусство драмы — это прежде всего поэзия, точная и запутанная, парадоксальная в своих построениях и в то же время тонко выверяемая театром.

Я хочу говорить здесь о трудностях драматургии потому, что в нашей литературной среде приходится встречаться с мнением, будто писать пьесу — это делать диалог: «он сказал, она ответила», и так три акта. Отсюда наши громадные потери.

Нам необходимо как можно более высоко поднять искусство слова, а не оправдываться злободневностью темы, не пожинать лавры за серенькие литературные изделия. Чтобы выиграть литературное соревнование с другими странами мира, мы должны особенно дорожить высотой мысли, глубиной содержания и мастерством.

— Когда читаешь такое произведение, как «Старик и море»,—говорит Николай Федорович,—останавливаешься, потрясен. ный фразами, которые произносит старик. Это Спиноза, думаю я, и знаю, как много потребовалось взволнованного труда от автора, наделившего героя такой речью. Как же можно мириться с той легкостью и беззаботностью, которые видишь в нашей драматургии, как не думать об этом, как не хотеть, чтобы она цвела и реяла знаменем среди непостижимых достижений нашего народа. Советские пьесы должны волновать, захватывать зрителя, покорять его большими мыслями, чувствами. Мы не достигнем этого, пока не усвоим, что драматургия — это прежде всего мастерство, дьявольски трудная, мучительная работа, которой надо отдавать всего себя целиком.

Сейчас я с огромным удовольствием берусь за прозу. Мне радостно, что первый мой роман, посвященный нашему юношеству, печатается в журнале «Юность». Но расстаться с драмой невозможно, и сейчас мной сдана пьеса в МХАТ, написанная о том, как начинают свою жизнь наши бригады коммунистического труда.

...Сергей Антонов от имени участников вечера и миллионов зрителей тепло поблагодарил Николая Погодина за его талантливое творчество.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НУЖЕН ЗАКОН ОБ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ»

Под таким заголовком 15 декабря в «Литературной газете» было опубликовано письмо В. Лакощенкова и редакционное примечание к нему.

Совет Министров РСФСР сообщил редакции, что заместитель Председателя Совета Министров РСФСР тов. А. Струев создал комиссию, которой предложено к 10 января 1960 года представить проект закона «Об охране природы и обеспечении рационального использования природных ресурсов РСФСР».

«В КЛУБЕ И В ЦЕРКВИ»

Так называлась статья Ю. Оклянского, опубликованная в «Литературной газете» 21 ноября 1959 года. В ней рассказывалось о крупных недостатках антирелигиозной пропаганды в Куйбышевской области.

Как сообщил редакции ответственный секретарь Куйбышевского областного отделения Общества по распространению политических и научных знаний В. Токарев, статья «В клубе и в церкви» обсуждалась на заседании научно-атеистической секции отделения общества. Секция признала правильной критику, содержащуюся в статье. Избран новый состав бюро секции. Увеличивается посылка квалифицированных лекторов в районы области.

Редакция получила также письмо секретаря Колдыбанского райкома КПСС тов. И. Ефимова. Статья «В клубе и в церкви», говорится в этом письме, обсуждалась 2 декабря на открытом партийном собрании колхоза «Сорок лет Октября». Партийное собрание утвердило конкретный план, направленный на усиление научно-атеистической пропаганды на селе.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите передать через Вашу газету глубокую благодарность коллективам и отдельным товарищам, поздравившим меня в связи с моим шестидесятилетием и награждением орденом Трудового Красного Знамени.

Михась ЛЫНЬКОВ

ПЕРЕД УЧИТЕЛЬСКИМ СЪЕЗДОМ

Широко понятая цель

Стоя у дверей интерната — красивого, только что выстроенного здания, я наблюдаю за пробегающими мимо меня ребятами и думаю.

...Когда-нибудь придут к нам родители, имеющие трехкомнатную квартиру, бабушку-пенсионерку, способную присмотреть за ребенком, приведут к нам своего сына и скажут: мы отдаем вам нашего ребенка потому, что знаем — вы сумеете в детском коллективе воспитать его лучше, чем мы в своей семье. Вы — специалисты!

К тому времени педагогическая наука обогатится ценнейшим опытом. Да уже и сейчас интернаты становятся нашей творческой лабораторией.

Но пока мы, педагоги, собираемся в учительской и размышляем о том, как преодолеть многие трудности, «болезни роста» интерната.

Нам мешают двойки. Мешают так основательно, как никогда в жизни. Мы не успеваем гулять с ребятами, не успеваем читать им, не успеваем делать многое другое...

Я работаю в школе двенадцать лет. Я уже давно знаю, что является самым большим и серьезным злом в нашей работе. Это знают и мои товарищи. Об этом часто говорят на педагогических советах и изредка пишут в газетах.

А теперь, когда наша школа преобразована в интернат, это зло стало очевидно всем, оно обнажено.

О нем-то я и хочу повести сейчас речь.

***

Я начала свою статью с мыслей о будущем. И оно — мы все это знаем — скоро настанет, но пока к нам нередко поступают дети, у которых есть иные основания быть принятыми в интернат: жилищная теснота, отсутствие надзора, а иногда и семейные конфликты, отражающиеся на характерах и психике ребят.

Мы разместили ребят по спальням. Распределили по классам. Повздыхали о том, как мало четверок у них в табелях — почти одни тройки...

А узнав ребят поближе на уроках, мы убедились, что многих следовало бы — если быть по-настоящему честными — пересадить на класс ниже.

Позвольте! Но ведь все они были переведены в следующий класс! У них были тройки по всем предметам!

И вот, сробравшись в учительской, мы с горечью вспоминаем борьбу за высокие проценты успеваемости, которая велась в нашей школе так же, как и во всех других школах.

Порой мы делали двоечников троечниками, прибегая к способам, которые были по существу антипедагогическими. Способ номер один: натаскивание (дополнительные занятия с лентяями, которые ничего не хотели учить самостоятельно). Способ номер два: репетиторство (отличники после уроков занимались с отстающими). Способ номер три: «выравнивание знаний» — то есть переспрашивание одних и тех же учеников. («Ты хорошо выучил урок, Степанов, сиди же спокойно и не мешай мне, пока я буду работать с Ивановым, который дома даже учебника не открывал!»)

Полезны и разумны дополнительные занятия, которые каждый учитель добровольно ведет с учениками, пропустившими уроки по болезни, или с малоспособными — такими, которые при всем старании не могут усвоить материал без повторных разъяснений учителя. Но когда в систему превращаются дополнительные занятия с лентяями, которых надо загонять на занятия силой, такой порядок только стимулирует лень и безответственность учеников.

В результате совокупности всех этих действий достигается приятная иллюзия: двоечники становятся троечниками.

Их в нашем классе было человек пять-семь.

А теперь эти ребята из разных школ пришли в интернаты.

***

Изобретателю процентов, разумеется, и не снилось, что можно в процентах исчислять не количество солнечных и пасмурных дней в году, а уровень умственного развития живых людей.

Впрочем, мы не против статистики. И если к общему впечатлению инспектора от школы или класса прибавится некий объективный числовой критерий, это неплохо.

Мы только против такого использования статистики, которое не проясняет, а затемняет и порой искажает действительное положение вещей.

Если уж измерять успеваемость в процентах, то нужно брать при этом отношение общей суммы всех отметок по школе к максимально возможной их сумме. Тогда мы получим процент, отражающий реальную успеваемость, успех каждого ученика — от двоечника до отличника.

То, что считается до сих пор «стопроцентной успеваемостью», ничего общего не имеет с хорошей успеваемостью и даже не говорит о высоком мастерстве учителя.

Захотели бы вы отдать своих детей в руки учителя, которого вполне удовлетворяют тройки, который считает идеалом отсутствие двоек? Если отсутствие двоек в классе при сплошных тройках — это стопроцентная успеваемость, то такие сто процентов не только никому не нужны, но определенно вредны.

Ученик, который понял, что вся ответственность за его двойки ложится на учителя, сам утрачивает чувство ответственности, порой перестает работать.

Учитель, который поверил, что сделать двоечника троечником — его главная задача, утратил чувство перспективы и творческий подход к делу.

***

Как часто получается, что учитель имеет две репутации: одну низкую в отделе народного образования. («Ставит много двоек!») Другую высокую — среди учеников и их родителей, которые ценят в учителе требовательность, культуру, увлеченность своим делом, может быть, талант—все те качества, которые не всегда усмотрит инспектор в классном журнале, но отлично замечают ученики на уроке...

А бывает и наоборот: педагог «дает сто процентов» и за это ценим начальством, а ученики его не уважают и не любят, и предмет его не знают. (Несмотря на отсутствие двоек в журнале). Трудно даже предвидеть все пагубные последствия такой «двойственности». Вот, например, приходит в школу молодой учитель, исполненный радужных мечтаний. Он хочет понравиться ученикам, но вместе с тем быть строгим! Он в меру требователен, в меру демократичен. Он обдумывает каждый свой шаг и каждое слово. В глубине души он мечтает поставить с десятиклассниками «Клопа» или создать ученическое общество любителей живописи. У него размах, у него руки чешутся!

И вдруг оказывается, что «Клоп» не так уж важен («Вы бы лучше диктовок побольше писали, они же безграмотные, а экзамены на носу!») и живопись — дело десятое. Главное—не подвести школу, работать со слабыми. С Марьи Ивановны надо брать пример! Она умеет добиваться, у нее «сто процентов».

Случается так? Да, случается. И если молодому педагогу не повезло и попал он под опеку директора-формалиста, то все свое свободное время молодой учитель начинает отдавать неуспевающему. Он не занимается ничем другим.

Проходит несколько лет, и молодого энтузиаста не узнать. Он и думать забыл о «Клопе» и о живописи. На уроках у него мухи дохнут.

***

Когда студент получает право именоваться молодым специалистом, очень важно, чтобы именно в этот момент ему помогли понять его задачу широко, перспективно, с государственной точки зрения!

Если учитель думает: «Моя цель — сделать так, чтобы ученики усвоили программу», — это узко понятая цель. Этого мало!

Если учитель думает: «Моя цель — сделать учеников любознательными, трудолюбивыми, нравственными людьми, людьми коммунистического общества», — это широко понятая цель. Сюда, кстати, безусловно входит и усвоение программы: если человек любознателен, если он любит труд и при этом обладает развитым чувством долга, нет такой программы, которой он не мог бы осилить. Но для того, чтобы так воспитать ребят, нельзя ограничиваться дополнительными занятиями с двоечниками. Нужно, непременно нужно и ставить с ребятами «Клопа», нужно вовлекать их в широкий круг интересов советского человека!

Это необходимо потому, что создает общий культурный фон, это их развивает, делает мыслящими людьми; и пусть здесь сильные ученики окажутся активнее. Пусть! В данном случае активность сильных учеников нужна и слабым. Она их подхлестывает. Она создает общий высокий уровень в школе, а общий высокий уровень благотворно влияет на всех!

Значит ли все это, что учитель не должен заботиться об уменьшении двоек, о дополнительных занятиях, о работе с родителями? Нет, конечно! Борьба с двойками, борьба за глубокие, прочные знания остается насущной задачей школы. Речь идет о доверии к учителю, об уничтожении «процентомании» — явления, нетерпимого дальше в нашей школе.

***

Заговорив о сильных учениках, я не могу умолчать о втором зле, которое стало особенно ясно видно в стенах интерната.

Это зло — перегрузка ребят. И естественно, она больше всего ощущается добросовестными учениками, которые хотят выполнить все, что от них требуется.

А требуется от них непомерно много!

Ученик седьмого класса в среднем тратит на приготовление домашних заданий три-четыре часа. Часа полтора в день уходит на общественные дела, на помощь отстающим. Шесть часов он проводит в школе на уроках. И выходит, что, в то время как вся страна в предстоящем году переходит на семичасовой рабочий день, наши ребята трудятся одиннадцать часов в день!

Ведь учеба — это тоже труд, труд утомительный и напряженный!

И теперь в интернате, когда мы сами — и учителя, и родители, мы убедились в том, что домашние задания съедают все свободное время учеников.

Нельзя не согласиться с одной из героинь нового романа В. Тендрякова «За бегущим днем», когда она бросает школе тяжкое обвинение:

«Вы украли у своих учеников свободное время. Им некогда прочитать книгу о приключениях, нет времени копаться в радиоприемниках, смотреть амеб в микроскоп, возиться с цветами, фотографировать, то есть делать то, к чему тянется душа».

Все это мы видим сейчас в интернате отчетливей, чем видели в школе. У детей слишком велика учебная нагрузка! Им совершенно некогда делать то, к чему тянется душа.

И душа перестает тянуться.

Когда наши дети окончат 8 классов и выйдут в жизнь, сумеют ли они найти свое место? Не растеряются ли они? Сумеют ли они использовать свободное время достойным образом, если не вынесут из школы благородных пристрастий и увлечений?

Если не вынесут... — допускать до этого нельзя!

***

Итак, зло названо. И не только названо. На Первом съезде учителей Ленинграда было высказано настоятельное требование разгрузить наших ребят. Но как это сделать?

Первый путь — еще большее сокращение учебных программ. По мнению учителей, изучивших новые программы, можно и нужно еще больше сократить их.

Второй путь — совершенствование методов преподавания. Главная задача теперь — изыскать такие приемы работы, которые позволят перенести центр тяжести на работу в классе. Это очень трудная задача, и ее нужно решать всем сообща — и практикам, и теоретикам.

Чем меньше времени будут отнимать у ребят домашние задания, тем больше они смогут заниматься тем, «к чему тянется душа».

А это особенно важно теперь, в связи с ранней специализацией подростков. Трудно выбрать дело себе по душе, найти свое место в жизни, если юноша или девушка не могут уделить дополнительного времени тому, что их интересует, и всегда находятся в железных рамках обязательного расписания!

Мы надеемся, что на Всероссийском съезде учителей в числе прочих важных вопросов обсудят и вопросы, затронутые в этой статье, и примут решения, которые облегчат наш труд и сделают его более эффективным.

ЛЕНИНГРАД **Л. КОВАЛЕВА**

СЛОВО ДЛЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

«Как живой с живыми говоря...»

В 1919 ГОДУ Владимир Ильич Ленин посоветовал руководителю Центропечати Б. Ф. Малкину использовать для пропаганды звукозапись и наметил список руководящих советских и партийных работников, которым следует выступить перед звукозаписывающим аппаратом. Владимир Ильич сам подготовил тринадцать речей-«трехминуток» для граммофонных пластинок. Он хотел, чтобы на пластинки записывались наши лучшие художники слова и в первую очередь Алексей Максимович Горький. По свидетельству Б. Ф. Малкина, Владимир Ильич даже передал примерные темы выступлений для Горького — о науке и революции, о специалистах, об интеллигенции, против антисемитизма...

В редакционную коллегию отдела граммофонной пропаганды входили Ленин, Калинин, Коллонтай, — уже по этому можно судить, какое серьезное значение придавалось тогда грамзаписи как одной из форм пропаганды.

Кроме Владимира Ильича, перед звукозаписывающим аппаратом выступали М. И. Калинин, Клара Цеткин, А. В. Луначарский, Л. Б. Красин, А. М. Коллонтай, Н. В. Крыленко, Н. А. Семашко, Н. И. Подвойский, Ю. М. Стеклов. Живые голоса деятелей революции навечно остались среди ценнейших исторических памятников.

Еще ранее было сделано много интересных литературных записей. Мало кто знает, что есть пластинки с выступлениями писателей Н. Телешова, Л. Андреева, И. Белоусова, Н. Златовратского, К. Баранцевича, поэта Анакия Церетели, журналиста В. Дорошевича, артистов М. Ермоловой, Г. Федотовой, В. Комиссаржевской, А. Южина и многих других. Для исследователей творчества Леонида Андреева, несомненно, интересна статья «Мысли о критике», которую он прочитал перед звукозаписывающим аппаратом и которой нет в собрании его сочинений.

Позднее были записаны в авторском чтении четыре рассказа М. Пришвина и отрывки из «Железного потока» А. Серафимовича. Николай Островский незадолго перед смертью прочитал отрывок из 8-й главы 2-й части «Как закалялась сталь».

Но можем ли мы теперь услышать все эти записи? Нет, к сожалению. Пластинки эти — большая редкость, найти их можно разве лишь у коллекционеров.

Правда, любители литературы получили недавно хороший подарок — о нем уже рассказывала «Литературная газета». На обложке пластинки надпись: «Говорят писатели» — и шестнадцать знакомых автографов: «Лев Толстой», «М. Горький», размашисто — «Вл. Маяковский»... В монтаж включены стихи и проза, выдержки из бесед и речей. Тут и обращение Льва Толстого к ученикам Яснополянской школы, и речь Алексея Максимовича Горького на Первом съезде писателей, стихи Владимира Маяковского и Сергея Есенина, публицистическая статья, прочитанная Алексеем Толстым, и выступление Всеволода Вишневского на митинге в осажденном Ленинграде, живые голоса В. Вересаева, А. Луначарского, А. Фадеева, П. Павленко, Э. Багрицкого, В. Брюсова, А. Куприна.

Записи были сделаны в разное время и разными способами, начиная от первозданных фонограмм на восковом валике и кончая наиболее совершенной ферромагнитной лентой. Современная техника звукозаписи позволила поместить огромный материал на одной долгоиграющей пластинке, но, к сожалению, далеко не все достижения акустической науки были использованы для подготовки этого материала к изданию. Звучание получилось разное: старая, несовершенная техника «гасила» живой голос, делала его однотонным, безжизненным. И тут же, дальше — вдохновенное авторское чтение, записанное в последние годы. Современная наука о звуке — электроакустика — позволяет восстанавливать по старым записям едва слышимые тембровые и интонационные особенности голоса. Убедительный тому пример — успешное восстановление звуковых записей В. И. Ленина. Дело это чрезвычайно сложное и трудоемкое, но вполне осуществимое. Научно-исследовательский институт при Государственном доме звукозаписи одно время занимался модернизацией старых фонограмм, но, как видно, все-таки не придал этой работе должного значения. А ведь восстанавливая старые фонограммы, мы проявляем не только уважение к русской культуре прошлого: часто наилучшим исполнителем произведения является сам его творец. Сохранить и донести до миллионов слушателей авторский замысел может лучше всего документальная звуковая запись, — и в этом огромная ее ценность.

Автору этих строк посчастливилось работать вместе с Маяковским и часто слушать его выступления. Владимир Владимирович был очень точен в трактовке своих текстов. Когда он читал сам, он освобождал стих от оков метрики, — четким и ясным был смысл фразы, отдельного слова. Как же важна расшифровка нынешними техническими средствами фонограмм «агитатора, горлана-главаря»! Много людей приходит в музей его имени, чтобы послушать, как читал свои стихи сам поэт. И часто они спрашивают: «Нельзя ли улучшить звучание, чтобы это был действительно голос Маяковского?..»

Можно,—советским инженерам сейчас по плечу эта задача. Дать вторую жизнь живому слову деятелей революции и писателей—это большое общественное дело, важное не только для современников: ведь это ценный вклад и в историю культуры нашего государства.

А живое слово писателей нашего времени? Можем ли мы послушать образцы современной поэзии и прозы в исполнении авторов, которые считаются лучшими чтецами? Публицистические выступления, задушевный разговор писателей с молодежью, — почему не используется сейчас эта форма пропаганды, которую так ценил В. И. Ленин? Техника звукозаписи непрерывно совершенствуется, и наступает, мне думается, время, когда в арсенале культуры должны появиться книги звучащего текста. В культурном обиходе советского человека вместе с книгой прочное место заняла граммофонная пластинка, и она может быть не только музыкальной: народ должен услышать слово писателя — художника, учителя, пропагандиста.

Л. ВОЛКОВ-ЛАННИТ

СРЕДИ КНИГ

МИР ПИСАТЕЛЯ

СЕЙЧАС все чаще стали выходить книги, в которых со страницы на страницу течет плавная, тугая, искристая русская речь. Читая их, никому и в голову не придет попенять автору, что он пишет «серым, маловыразительным языком». А ведь еще недавно почти каждый печатный отзыв заключался обычно именно такими похоронными словами. И невольно про себя думалось каждый раз: но если это так, если у литератора нет первоосновы основ — гибкой, мускулистой, послушной и образной, своей речи, — то о чем вообще говорить? Каких героев может он воссоздать из льющегося вокруг него потока жизни, какие идеи утвердить и отстоять? Чем он это будет делать? «Серым, маловыразительным языком»? Рецензии такие напоминали стыдливую милостыню: сунут из потной ладони мятый рубль и торопятся мимо, кося глаз в сторону. А автор, приняв подачку, по свойственному человеку оптимизму, отбрасывает начисто конец статьи, но зато питает свое самолюбие начальными строками: «похвальное намерение сосредоточить внимание на проблемах...».

Рассказы Сергея Никитина привлекают и языком, и всей отлично сделанной тканью повествования. Ничего торопливого, нарочитого, случайного.

Одаренность Сергея Никитина проявилась с первых его шагов в литературе. Еще чуть ли не десять лет назад, когда он писал вечерами в пустых аудиториях Литературного института свои первые рассказы, с Никитиным у нас, его однокашников, уже прочно связывалось представление об определенном литературном явлении.

Его короткие повествования всегда передают незримое движение характеров; его привлекают не сами жизненные драмы, а скорее отсветы былых событий, их отпечаток на сегодняшнем душевном мире человека. Каким он стал благодаря им? Или каким становится человек, когда на него, как тень облака, надвигается ощущение перемен? Решится ли он на эти перемены?

Но все это остается обычно за кадром. Никитин подводит читателя к самому порогу события, но не переводит через него, оставляя пищу для фантазии и размышлений.

У каждого настоящего прозаика есть свой мир. Он может быть не меньше и не больше мира любого другого талантливого писателя. География, хронология, профессии героев — все это может совпадать. И небо у всех синее, и травы зеленые. Но подзорная труба направляется на разные предметы, она может быть установлена с различной степенью приближения и удаления; при разной нацеленности некоторые черты становятся особенно выпуклыми, на другие неизбежно падает тень.

Сергей Никитин — исследователь микромира человеческих чувств. То неуловимое, что называется настроениями, смена их, начала и концы привязанностей — вот его сфера. Его интересуют разные люди. Есть среди них и плоховатые. Тогда между строк как бы вспыхивает предостерегающий красный глазок светофора: осторожно, опасность!

Пусть она таится даже в хорошеньком личике девушки, которая показалась молодому человеку Егору прекрасной, как утренняя царевна. Застенчивая, почти безнадежная любовь Егора увенчивается успехом. Желанная женитьба оборачивается горьким одиночеством возле жены-бубенчика («Бубенчик»).

Вообще Никитину удаются образы пленительных, обласканных и жизнью, и людьми девушек-пустышек. Им в общем нечего поставить в вину. Разве только то, что они превращают жизнь человека в выгрызенный орех.

Загорается глазок светофора и между строчками другого прекрасного рассказа «Весенним утром». Девушка Варька поджидает своего возлюбленного в поле, чтобы узнать, подрядился ли он на строительные работы в их колхозе — и, значит, будут ли они вместе этим летом. Она надеется на счастье: пряный весенний дух земли и травы путает, сладко кружит мысли. И вдруг Варька наталкивается на безмятежное деловое рвачество своего избранника: он уходит за сто километров. Там ему больше заплатят.

Интересно, что сама Варька появляется в основном на последней страничке рассказа. Но история эта о ней и для нее. О ее любви и ошибке.

Рассказ, который открывает сборник, называется «Запах сена». Это целая панорама современной деревни, с ее бытом, отношениями, типами. Сюжетно же это история о том, как вернувшийся из заключения диковатый, норовистый парень Сашка полюбил односельчанку, девушку Верку, и как родители не хотели отдать ее за него. Кроме Сашки, в котором сильно и крепко жило советское чувство справедливости и собственного достоинства, несмотря на его проступок, есть в рассказе и другие интересно написанные персонажи. Это и председатель колхоза Репкин, недавний городской житель, с его безобидными чудачествами («делал все нарочито «по-деревенски» — ходил в сапогах и косоворотке, ел деревянной ложкой, любя папиросы «Север», курил вонючий самосад и умывался под глиняным рукомойником, хотя привез из города мраморный умывальник»); и застенчивый, вежливый милиционер Анчуткин; и оскорбленный отец Верки — крутой, упрямый Андрей Фомич; и пастух Федя — черт, деревенский юродивый, «хитрый и жадный лентяй», который, на миг показывая свое истинное лицо, цинично признавался подростку Сашке: «Дурачком-то легче. Меня вот и на войну не взяли». Эти люди, дурные и хорошие, группируются так, что не специально как будто, не выходя за круг ежедневных забот, самой силой вещей ведут борьбу за Сашкину душу.

Рассказ «Костер на ветру» содержит как бы вставную новеллу — потрясающий своей простотой рассказ бывшего эмигранта, каменщика Миколы Федчука о своей жизни в Канаде. Это человечнейший гимн во славу Советской власти и в проклятие капитализму. Он передан столь бесхитростно и бесконечно правдиво, что, кажется, это уже не художественное произведение, а сама жизнь, подслушанная взволнованным автором.

Я бы не назвала Сергея Никитина лирическим писателем, хотя очень мягки, пронизаны росой и светом его пейзажи, психологически тонки описания душевных движений, красочны портреты. Но лиричность — проникновенный разговор от автора—чужда ему. В его манеру не входит брать слово самому, судить и выносить приговор. Нигде не прорывается его голос. Он только рисует окружающее: широко, свободно, щедро. Так что люди его рассказов предстают перед нами достоверными почти до ощутимости.

Сергей Никитин — по преимуществу бытописатель современной деревни, певец маленьких городков. Приметы нового, пятна старого входят органической частью в повествование. Во главу угла Никитин ставит человеческий характер, но так, что общественный фон становится естественным условием развития сюжета. И о чем бы ни шла речь в рассказах Никитина, они почти всегда социально значимы.

Его поэтический мир оборачивается для умеющего размышлять миром значительных величин; потому что настоящая проза непременно повернута лицом к своему времени и полна ощущением его масштабов.

Лидия ОБУХОВА

Сергей Никитин. «В бессонную ночь». Рассказы. «Молодая гвардия». 1959.

Новинки

ФОРМЕ — ЩЕДРУЮ ДАНЬ

Писательское мастерство, высокое качество художественных произведений стали в последнее время главнейшим предметом споров, обсуждений и дискуссий в творческих союзах, в газетах и журналах. В эти споры большой вклад вносят наши литературоведы, раскрывающие на широком историко-литературном материале секреты мастерства выдающихся художников слова.

Вот почему с несомненным интересом будет встречен читателем сборник «Мастерство русских классиков» (Гослитиздат. М. 1959), куда вошли содержательные статьи Я. Эльсберга, В. Переверзева, А. Тарасовой, Л. Якименко, Б. Бялика, А. Белкина, Л. Мышковской, З. Шепелевой, Г. Черемнина и С. Падве.

«БЕЙ МНЕ, ВЕТЕР, В ЛИЦО»

Открытое и смелое лицо женщины смотрит с обложки книги. «Бей мне, ветер, в лицо» — так называется сборник, вышедший недавно в Чечено - Ингушском книжном издательстве и знакомящий читателя с творчеством молодой ингушской поэтессы Раисы Ахматовой. Стихи о родном ауле, зарисовки величавого Каспия сменяют строки о нелегком, почетном труде поэта. Большое место в сборнике занимают стихи о любви — задушевные и непосредственные.

РЕПЛИКИ

КОМУ ВЕРИТЬ?

НЕЛЬЗЯ сказать, чтоб наш герой позволял себе какие-нибудь излишества. Он не употреблял горячительных напитков, не играл в азартные игры и даже не коллекционировал этикетки от спичечных коробков. И все-таки в ноябре он отдал жене не всю зарплату. Шла подписная пора. Нашего героя влекли к себе рекламные объявления толстых журналов, обещавших, что в 1960 году у них — и только у них — впервые увидят свет новые романы и повести, поэмы и драмы.

Когда он прочел в газете «Литература и жизнь» беседу с главным редактором журнала «Москва», он сразу понял, на какой журнал ему следует подписаться. Еще бы! Диапазон журнала широк: от Егора Исаева до Франсуазы Саган. Но особенно заинтересовал нашего героя «увлекательный роман киевского писателя Владимира Киселева «Человек может», посвященный жгучим проблемам нашей современности». Все ясно. Надо подписываться!

Но тут случилось непредвиденное. В руки нашему герою нечаянно попался журнал «Молодая гвардия», на обложке которого синим по желтому было обещано, что этот увлекательный роман будет опубликован здесь.

Наш герой понимал: чьим-то обещаниям верить нельзя. Но чьим?

А недоуменные вопросы обступали его со всех сторон. На роман Михаила Алексеева «Вишневый омут», который обещал своим читателям журнал «Нова», как выяснилось, претендует еще та же «Москва». Свои права на «Новогоднюю сказку» В. Дудинцева заявили тоже два журнала: «Молодая гвардия» и «Новый мир».

И наконец наш герой, давний и верный почитатель Михаила Шолохова, с удивлением узнал, что новые произведения этого большого писателя в наступающем году будут опубликованы в трех журналах: «Дону», «Неве» и все той же «Москве». Зная шолоховскую исключительную требовательность к собственному слову, наш герой был несказанно удивлен, узнав, что в 1960 году Шолохов опубликует сразу три новых произведения.

Мы покидаем нашего героя на распутье, не давая ответа на его мучительные вопросы. Более того, мы присоединяем к его слабому голосу свой: «Кому верить? Где будут опубликованы эти книги?»

Ст. БЕНЕДИКТОВ

Родные люди

«Дивизионка», о которой пойдет речь, — это не пушка, как могут подумать люди военные. Дивизионкой звали и газету, имеющуюся в каждой дивизии»... — начинает свой рассказ о фронтовых журналистах Михаил Алексеев; так — с добродушной улыбкой, доверительно — ведет его дальше, от новеллы к новелле. Написанные от первого лица и объединенные общими героями, новеллы складываются в своеобразную повесть.

Возьмешь тот или иной эпизод повести Алексеева, и он представится тебе — если идти за фронтовыми ассоциациями — незвучным, не всегда приметным в трескучей пальбе автоматов и пулеметов одиночным выстрелом из винтовки. Но выстрелом точным, бередящим в самое яблочко. Многое напознят эти эпизоды каждому из нас. Мне, например, вспомнилась небольшая, с развернутый лист школьной тетради, газета сибирской дивизии, сражавшейся под Сталинградом. Шли тяжелые бои на улицах города. Командование 62-й армии искало новые тактические приемы в борьбе с наступающими фашистскими захватчиками. Остро чувствуя это, наша «дивизионка» из номера в номер рассказывала, как отдельные воины, проявляя смекалку и упорство, самостоятельно решали тактические задачи, о том, что в городском бою солдат порой становится сам себе командиром. Печатая такие материалы, сотрудники редакции, вероятно, и не замечали, как газета приучала своих читателей смотреть на себя иными глазами, как она облекала солдат поистине генеральским доверием: «Ищи, дерзай, помогай командованию решать большие задачи!» И тысячи солдатских умов дивизии, как и десятки тысяч умов армии, искали и находили такие тактические приемы, что потом ни один гитлеровский стратег не мог разгадать: как же большевикам удалось построить эти несокрушимые крепости на берегах Волги! Нет, не без помощи «дивизионок» родились и мелкие штурмовые группы, и массовое снайперское движение, и многое другое, что способствовало долгожданному перелому в войне.

Вот таким героям, сотрудникам «дивизионки», помогающим строить крепости в людских сердцах, и посвящены новеллы М. Алексеева. Автор избрал, на мой взгляд, очень удачную форму повествования. Это непосредственный откровенный рассказ о достоверных фактах, о духовном мире простых, не именитых героев. Так и кажется, будто этих людей ты уже встречал где-то, что эти думы писатель подслушал у тебя самого.

Видишь Ату Ниязова, героя одноименной коротенькой главки, заместителя командира батальона по политчасти. Хорошо понимаешь, как это получилось, что в батальоне у него все храбрецы, и о каждом из них он нашел нужным написать в родную «дивизионку», а вот о себе он никогда не сказал в своих заметках ни слова. Точно, верно! Такими они и были, наши замполиты, скромные и отважные, умевшие открывать в людях самое ценное!

Обаяние чистой, красивой любви осветило страницы главки «Сонечко мое».

В рассказе «Максимыч», между прочим, возникает образ юного Никитки, которого ездовой Максимыч нашел в разбитом хуторе. Возможно, и был у писателя соблазн вывести мальчонку в герои, — ведь, чего греха таить, стоит в наших книгах о войне появиться мальчику, как мы непременно посылаем его в разведку, заставляем вести разведчиков в тыл врага, взрывать танки и подбивать самолеты. Однако М. Алексеев не поддался этому соблазну — и не только потому, что руководствовался документальной достоверностью, а и потому, что он и его герои знают: ребенку нечего делать на фронте. О серьезном, о мужественном и трудном он пишет всерьез, поднимая своих героев на большую высоту человеческой мудрости.

Есть в повести «Дивизионка» свои композиционные просчеты, порожденные трудностями той формы рассказа, какую избрал для себя автор. Есть неоправданная трансформация образов при переходе их из новеллы в новеллу. Надо думать, что писатель еще пополнит свой цикл новыми рассказами, и тогда, наверно, мы пошире, попредметнее увидим его героев в том деле, каким были заняты вспомнившиеся мне фронтовые журналисты-«сибиряки». Повесть от этого станет только масштабней, «весомей».

В «Дивизионке» Михаил Алексеев — автор «Солдат» и «Наследников» — раскрывается с некоей новой для читателя стороны. Я имею в виду этот его мягкий, задушевный юмор. Герой повести печатник Иван Обухов, получив винтовку, «густо смазал ее, завернул в мешковину и упрятал подальше в кузов грузовика» («Рядовой Обухов сражался с врагом иным оружием»). Где-то в «кузове» до сих пор припрятывал свое умение писать вот так—светло, улыбчиво — и Алексеев. Сейчас он показал, что может мастерски владеть этим оружием.

Иван ПАДЕРИН

М. Алексеев. «Дивизионка». Журнал «Нева» № 9. 1959.

Кинематограф Евгения Габриловича

НА ОДНОЙ из встреч минувшего международного кинофестиваля в Москве, которая была названа «Сценарий как род литературы», видный польский критик, редактор журнала «Фильм» Александр Яцкевич заявил, что, по его мнению, сценарий — это то, что мешает кинематографу быть кинематографичным, что мешает развитию киноискусства.

Не соглашаясь ни в какой мере с этим утверждением, я должен признать, что Александр Яцкевич высказал свою точку зрения с предельной ясностью.

Никто из наших критиков не становится на такую крайнюю точку зрения. Даже наоборот. У любого из них вы найдете утверждение, что киносценарий является идейной и художественной основой фильма. Но, к сожалению, на практике непонимание значения драматургии сказывается в работах многих наших критиков, теоретиков и историков кино. Разве глубоко мною уважаемые авторы «Очерков истории советского кино», верней, первого тома этих очерков, не показали в своей во многом очень интересной и полезной работе, что они недооценивают роль драматургии в киноискусстве? Разве французский исследователь истории кино Жорж Садуль не совершает в своей многотомной работе те же ошибки? Он сам признал это на упомянутой выше беседе во время фестиваля.

Такое отношение нашей критики к сценарию, на мой взгляд, вредно для развития кино. Не будет у нас большого киноискусства без большой кинодраматургии.

Все мы знаем о кинематографе великого режиссера Эйзенштейна, кинематографе великого режиссера Пудовкина. Мы знаем кинематографы других более и менее крупных режиссеров.

Я хочу сказать несколько слов о кинематографе выдающегося драматурга Евгения Габриловича.

Габрилович — драматург, который сумел в самом подлинном смысле слова создать свой кинематограф, не похожий ни на какой другой. Стоит только назвать фильмы, снятые по сценариям Габриловича, чтобы это положение стало ясным: «Последняя ночь», «Мечта», «Машенька», «Урок жизни», «Рассказы о Ленине», «Коммунист»... Эти фильмы, хорошо известные и советскому, и зарубежному зрителю, ставили разные режиссеры: Юлий Райзман, Михаил Ромм, Сергей Юткевич. Мастера большого дарования, выдающиеся художники советского кино, они резко отличаются друг от друга по творческой манере, по художническому почерку. А между тем разве при упоминании перечисленных мной картин не возникает чувство некоего единого мира? Это мир писателя-сценариста, сумевшего пронести через все картины столь разных режиссеров свое творческое своеобразие.

Ощущение своеобразия, тонкости письма, сложности течения чувств и мыслей остается у вас в той же мере, как от картин и от чтения «Книги сценариев» Габриловича. Сочинения Габриловича так же, как произведения прозы, поэзии и театральной драматургии, существуют в литературе и вне зависимости от их экранной жизни.

Габрилович — и сценарист, и прозаик. Как прозаик он сложился раньше. Его перу принадлежит много рассказов, повестей, и среди них одна из лучших, на мой взгляд, повестей военного времени — «Под Москвой».

В кино Габрилович пришел, поняв не только великие возможности, заложенные в нем для писателя, но поняв и самый кинематограф, глубоко проникнув в его выразительные средства, освоив его язык.

Достаточно сказать, что первым сценарием Габриловича был сценарий «Последняя ночь» — произведение, вошедшее в золотой фонд советского киноискусства. Многие ли писатели, пришедшие работать в кино, могут похвастать таким проникновением в суть киноискусства? Как часто мы слышим жалобы писателей на то, что в кино и то худо, и то не годится — и редакторы мешают, и режиссеры капризничают. А иной раз посмотришь сценарий такого писателя, и стыдно станет: сценарий его рядом с его же прозаическим произведением выглядит, как детский лепет. То ли от того, что он не сумел понять, то ли от неуважения к киноискусству: «съедят и так».

Во всех сценариях Габриловича неизменно присутствует тонкое чувство экрана, чувство кинематографического языка — лаконичного, точного, бьющего прямо в цель. Он умеет в бытовой детали увидеть эпоху, он умеет так столкнуть своих героев — людей со сложными характерами, — что в этом столкновении отразится весь сдвинувшийся со своих мест мир.

«Персонажи Габриловича»... Как-то не хочется называть этих вызванных им к экранной жизни людей персонажами. Персонаж ли гимназист Захаркин — смешной, неловкий, бродящий по улицам октябрьской Москвы? Или Машенька — такая робкая и такая смелая, такая тихая и вместе с тем такая непреклонная, когда дело идет о самом дорогом в нашей советской жизни... Или Наташа и инженер Ромашко из «Урока жизни», персонаж ли маленькая медсестра, слушающая в тишине осеннего сада рассказ Ильича о его сватовстве... А обитатели пансиона «Мечта» — помните ли вы их?

Все это люди, живые люди, с которыми мы встречаемся, мысли которых нам так понятны, чувства которых так близки, люди, которых мы все же не узнали бы до самой глубины, до самого главного, если б о них не рассказал нам Габрилович — умный, добрый, строгий человек. Он не устает удивляться чистоте сердца, не устает совершать открытия прекрасного там, где иной равнодушно пройдет мимо, не устает радоваться победе света над злом, учить любви к человеку, вниманию к человеку. Сюжеты его сценариев построены так, что события и люди, кажущиеся поначалу обыденными, обретают характер героический, возвышенный. Движение этих сюжетов — процесс раскрытия героического в самом простом, малозаметном.

Один из последних сценариев Габриловича назвал «Коммунист». Но, по сути дела, коммунист, коммунизм — это центральная тема всех его работ. Он говорит о великом, не повышая голоса. Весь строй его работ доказывает анализом самого глубокого и сложного в человеке, что подлинными героями нашего «сегодня» оказываются те, кто сохраняет ясность цели, верность величию наших идей, взволнованность чувств, кто не изменил человечности, дружбе, любви, мечте.

Не повышая голоса! В этом особенность творческой манеры Габриловича. И никогда вы не найдете у него фальшивой ноты, никакой декламации, только истинная достоверность, точность, лаконизм, столь необходимые кинематографу.

«Книга сценариев» в серо-голубом переплете лежит на моем столе. Я читаю ее, эту книгу стольких человеческих жизней, стольких судеб и событий, волнений и размышлений, книгу писателя — моего современника, товарища по борьбе за новый, прекрасный мир. Пусть те, кто еще не понял, что такое кинодраматургия, кто не видит ее великого будущего, — пусть они прочтут эту книгу. Лучшего аргумента, утверждающего рождение нового, могучего рода литературы, не найти.

А. КАПЛЕР

Е. Габрилович. «Книга сценариев». «Искусство». Москва. 1959.

Новинки

КНИГА ОЧЕРКИСТА

В издательстве «Молодая гвардия» недавно вышел сборник очерков Георгия Радова «Наследница». Живая и актуальная книжка вобрала в себя шестнадцать наиболее значительных произведений талантливого очеркиста — «Теща», «Наследница», «Кузьма-укрепитель» и другие, уже известные читателю по периодической печати. Большинство из них посвящено различным сторонам сегодняшней деревенской жизни, людям, неустанно ищущим верные пути в решении хозяйственных, моральных вопросов. Очерки Г. Радова по-особому злободневно звучат в эти дни, когда внимание народа приковано к работе Пленума ЦК КПСС, посвященного сельскому хозяйству.

ТВОРЧЕСКАЯ трибуна

Характер и современность

ПОЖАЛУЙ, для всех литературных журналов, будь то столичные или местные, типична сейчас такая картина. Когда автор приходит в редакцию с новым произведением, его встречают вопросом: «А у вас на современную тему?» И если ответ последует утвердительный, то тут же, отложив текущие дела, почти все разом бросаются к новой рукописи...

Но вот она прочитана, начинается обмен мнениями.

— Ну что ж, — озабоченно говорит кто-нибудь из работников редакции, размышляя вслух. — Тема очень актуальная. О вступлении в жизнь десятиклассников. О приобщении к труду. Взята из действительности... Чего-то, правда, здесь не хватает... Будто идет человек по земле, а следов не остается... Почему? Сразу уловить затрудняюсь... Все вроде бы на месте... Или это оттого, что где-то я уже встречал похожий сюжет?..

— И у меня впечатление сложилось сходное, — соглашается другой. — Но дело, мне кажется, не только в сюжете... А тема... тема, бесспорно, актуальная, нужная. В общем, я за то, чтобы печатать...

Редактор подытоживает:

— Печатать надо... все-таки...

Пожалуй, все-таки, печатать и не надо было бы, но оставим это на совести редакции. Попытаемся разобраться в другом: откуда возникает у нас неудовлетворенность, ощущение неполноценности «актуального» произведения?

Самый главный, на мой взгляд, порок художественного произведения — это, если так позволено будет выразиться, нарушение нормальной деятельности его сердца, а отсюда — кровообращения.

Сердце, дающее жизнь литературному организму, — **характер героя.** Современное содержание книги определяется прежде всего тем, насколько современен ее герой, насколько он человек своего времени.

Возьму жанр, мне наиболее близкий, — рассказ. В последнее время часто печатаются рассказы о молодежи. Авторы их — большей частью молодые писатели. И это естественно: автор и тема очень уж «подходят» друг к другу.

Читаю рассказы один за другим. Некоторые сделаны неплохо, профессионально, и все же герои не задерживаются в памяти... Пришел на завод юноша, поступила на ферму девушка... и ничего больше. Будто смотришь на тусклую фотографию какого-то человека и затрудняешься сказать, узнал ты его или нет.

В чем же дело? Не в том ли, что мы подчас стараемся нарочито «осовременить» книги описанием внешних примет дня, быта, злободневных проблем производства? Современность художественного произведения — это не только и не столько внешние, календарные признаки сегодняшних событий, конфликтов! Ведь, скажем, не будь Саида из «Птички-невелички» А. Каххара человеком определенного характера, определенных принципов и взглядов, выработанных в наших общественных условиях, — вряд ли повесть А. Каххара стала бы столь животрепещущей книгой, приковывающей к себе читателей. Не будь там ярких индивидуальностей, даже самая точная, самая добросовестная информация о колхозе, хлопковых полях, производственных и бытовых конфликтах не могла бы сделать повесть современной. Условия производства, методы хозяйствования непрерывно изменяются. Злободневное сегодня становится пройденным завтра. Конечно, «отпечаток атомного века, эпохи спутников, — как писал в статье «Личное мнение» Г. Гулиа, — должны нести на себе все наши лучшие книги». И все-таки самое главное — и в этом я тоже поддерживаю Г. Гулиа — человек. Атмосфера современности возникает в произведении, когда художник реалистически полно запечатлевает характер человека.

Мы создаем литературу не на день и не на два. Наших будущих читателей — представителей последующих поколений — меньше всего будут интересовать в ней способы нынешнего производства, вопросы технического прогресса данного отрезка времени. Обо всем этом останется богатая научно-техническая литература. А вот воссоздать облик человека нашей эпохи, раскрыть его моральное кредо, объяснить движущие причины его поведения сегодня — задача писателей.

Но вернемся к разговору о рассказах, посвященных молодежи. Вот всем уже знакомая колхозная девушка. После неудачной попытки поступить в институт и поисков нового пути она идет на ферму дояркой. Поначалу работа ей не удается. На этом строится конфликт рассказа. Есть еще сопутствующий конфликт — любовный. В отношениях между девушкой и школьным другом — теперь студентом — возникают осложнения. Девушка переживает и пишет гневное письмо, где обличает прежнего друга, поддавшегося «стиляжному» веянию. На помощь ей приходят комсомольцы и люди с жизненным опытом. Постепенно она осваивает профессию и становится застрельщицей передовых методов труда. Спорит с вечно обремененными текучкой и потому немного отстающими председателем и зоотехником, борется за улучшение кормления скота, за внедрение электродойки, автопоилок, поточной раздачи кормов, возглавляет кружок самодеятельности. Вскоре в областной газете помещают ее фотографию, а слабовольный друг испытывает чувства стыда и раскаяния. В итоге героиня поступает на заочный зоотехнический факультет...

Читатель вправе спросить: что же тут неверного, ведь в жизни бывает так часто. Да, но правда фактов не может заменить в литературе правду характеров.

— Позвольте, — могут возразить, — а ведь в рассказе все же есть характер девушки: ее мечты, переживания, цель, к которой она стремится. Девушка она старательная, любознательная, чуткая. Преодолевает трудности, борется против рутины и косности. Любит читать, петь, танцевать. И портрет ее описан, и то, как она влюблена в природу... Это ли не характер?

Нет, это еще не характер. В «личной» биографии, преобразованной искусством, должны быть ясны черты «биографии» общества, поколения и т. п. Но этого не добьешься, не показав отношения человека к тому, что творится вокруг. В рассказах о молодежи много событий, вызванных перестройкой школы. Но как обсуждается это мероприятие подрастающим поколением, какие мысли, споры вызывает перестройка в образовании, или шире — каков взгляд людей на новое и старое, на явления, происходящие в стране, как они их понимают, «чувствуют», — всего этого очень мало в рассказах. Наши молодые герои делают что-то, связанное с большими общественными переменами, но интеллектуально и психологически реагируют на них недостаточно.

В примере с девушкой-дояркой, по существу, есть все и нет ничего. И когда читаешь такие рассказы, невольно наталкиваешься на мысль: а ради чего они пишутся? Неужели для того только, чтобы агитировать десятиклассников идти на производство? Читателя больше всего привлекают книги, где поставлены глубокие социальные, человеческие проблемы, выведены значительные характеры, которые, как в фокусе, сосредоточивают в себе свое время, его задачи и цели.

Облик наших современников сложный, во многом новый, требующий убедительной, глубокой психологической обрисовки, а не поверхностного описания того, что и как было.

Люди конца 50-х годов отличаются от людей хотя бы 30-х годов. У нынешнего рабочего, колхозника, интеллигента есть новые черты по сравнению с рабочим, колхозником, интеллигентом первой пятилетки. В чем это отличие, в чем духовный прогресс личности нашего сегодня? Об этом следует поразмыслить. Это даст огромный человеческий материал, чрезвычайно поучительный и интересный.

ХОТЕЛОСЬ БЫ затронуть еще один немаловажный вопрос — о творческой перекличке и сотрудничестве писателей младшего поколения. Редко приходится встречать выступления молодых авторов в «Литературной газете» или в толстых журналах, да и в республиканской печати. Мы уже как-то привыкли жить за могучей спиной писателей старшего поколения. Они выступают в печати, волнуются, тревожатся о литературной смене, заботятся о ее будущем. Конечно, хорошо иметь учителями умных, беспокойных людей. Но, однако, не следует забывать о своей ответственности, о нашей профессиональной самостоятельности. Молодежь, более чем кто-либо, обязана и призвана осваивать современную тему. Это наш непреложный гражданский и писательский долг. Нам даже в известной мере легче выполнять его, чем старшим товарищам. Наша молодость, когда зорок глаз и горячо сердце, совпала с великим, неповторимым временем развернутого строительства коммунизма. Современники, с которыми мы вместе росли, учились, трудились, — это наши друзья, наши близкие. Кому же писать о них, если не нам, молодым писателям. Но на практике иногда получается наоборот. Некоторые начинающие авторы в Средней Азии усердно обрабатывают древние легенды и сказки. Нужны читателям и легенды, я не против этого. Но... но ведь куда спокойней обрабатывать легенды, в которых народ создал волнующие образы, нежели самим создавать волнующие образы героев сегодняшнего времени.

Освоение темы современности — не простое дело. Именно поэтому еще не все у нас идет гладко. И, думается, если мы проявим больше упорства, проницательности, больше интереса к людям наших дней, мы доставим радость читателям.

Чингиз АЙТМАТОВ

г. ФРУНЗЕ

На всю страну гремит слава о трудовых успехах рязанцев. И, право же, у них есть все основания петь хорошие, звонкие, радостные песни. Эти песни привез сейчас в Москву Рязанский народный хор. Фото А. КНЯЗЕВА.

Современный капитализм и побасенки Берли-младшего

Полемика

НЕДАВНО в американском журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин» выступил небезызвестный автор экономических и финансовых сочинений, профессор права Колумбийского университета Адольф А. Берли-младший со статьей под весьма претенциозным названием «Маркс неправ и Хрущев — тоже».

Профессор взялся за перо, чтобы противопоставить свою концепцию о современной экономической действительности США марксистской трактовке капитализма и его судеб. Нельзя сказать, чтобы он поведал миру нечто оригинальное. Далее тривиальной, давно набившей оскомину апологетики системы «частного предпринимательства» дело не пошло. Что нового, к примеру, в утверждениях, будто капитализм, по крайней мере американский, — это уже не капитализм, а некое «благоденствующее общество», что капиталисты — это уже не рыцари наживы, а слуги общества — «просвещенные администраторы», что даже рабочий класс, собственно, уже не рабочий класс, а некое «среднее сословие»?!

Все это — обычный круг идей современной буржуазной политэкономии. И если бы дело ограничивалось их повторением в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», вряд ли стоило бы занимать внимание читателей. Выступление Берли-младшего интересно другим — способами аргументации, приемами полемики с марксизмом.

Три магических «элемента»

«Когда Хрущев и его коллеги говорят о капитализме, — заявляет г-н Берли,— они описывают систему, которая, пожалуй, действительно существовала около ста лет тому назад». Г-н Берли даже согласен с разумностью предвидений Маркса, что капиталистическое общество, каким оно было в XIX веке, «недолговечно». Факты действительности: накопление капитала, погоня за прибылью, экономические кризисы — все это, указывает профессор, «придавало убедительность» идеям марксизма. «Маркс был прав в одном отношении, — изрекает г-н Берли,— долго так продолжаться не могло».

Но вот какова проказница-история: результат развития капиталистического общества оказался вовсе не таким, каким предсказывал марксизм. Оказывается, эволюция американского капитализма принесла, как убеждает нас г-н Берли, «три существенно новых элемента», которые «изменили направление развития и структуру всей системы».

Что же это за магические три элемента? Первый элемент — «американские корпорации», то есть в переводе на общепонятный язык — акционерные общества, концерны, синдикаты, тресты и тому подобные монополистические предприятия; второй — возросшая роль профсоюзов; третий — позиция американского правительства. Таковы три кита американской социально-экономической системы, полностью преобразовавшие, по утверждению г-на Берли, капитализм в некапитализм!

За сто лет капитализм изменился, заявляет профессор. Это, конечно, истина. Именно марксизм-ленинизм показал закономерную неизбежность происшедших изменений, вскрыл их истинное социально-экономическое содержание и исторический смысл: капитализм превратился в монополистический капитализм, то есть в империализм. Но г-н Берли, признав эволюцию капитализма, вместо реальной картины превращения капитализма в империализм, нарисовал апологетический лубок, на котором современный капитализм изображен этаким раем земным.

Сказки о корпорациях

Вот какую утешительную сказку рассказывает г-н Берли: американские корпорации «социализируют» американскую промышленность. Корпорации — это всего-навсего лишь «номинальные» собственники их капиталов, это не лица, не семьи. И ведут себя они совершенно по-иному, чем капиталисты-собственники. Капиталисты руководствовались лишь одним принципом — выколотить побольше прибылей. А корпорации? Они, оказывается, значительную часть прибылей распределяют между непрерывно возрастающим числом акционеров. Более того. Не только администрация, но и группы, контролирующие корпорации,—это их «платные служащие», своего рода «негосударственные чиновники». Капиталисты, утверждает американский профессор, исчезли. Просто с лица земли сдуло ветром морганов, рокфеллеров, меллонов, дюпонов и им подобных!

Однако, сколь ни утешительны эти россказни об американских корпорациях, не вредно было бы г-ну Берли справиться с некоторыми общеизвестными фактами. Кому же в действительности принадлежат корпорации? Американская статистика не делает из этого секрета: небольшая группа владельцев промышленных акций (два с небольшим процента всех акционеров) сосредоточила в своих руках почти 60 процентов всех акций. Даже из данных налоговой статистики США, весьма далекой от отображения подлинных размеров доходов крупных капиталистов, видно, что группа получателей крупнейших доходов (составляющая всего 1,8 процента от общего числа налогоплательщиков США) получила 67 процентов всех дивидендов.

А вот как выглядит «исчезновение» капиталистов-собственников. По данным последних лет, в США насчитывалось восемь всемогущих финансовых империй — собственников мультимиллиардных капиталов. Общая сумма капиталов, контролируемых домом Моргана, составляла 65 миллиардов долларов. Эта сумма превышает одну десятую национального капитала США. Капиталы, контролируемые Рокфеллерами, исчислялись в 61 миллиард, чикагской группы — в 22 миллиарда, Дюпонов — в 16 миллиардов, кливлендской группы — в 15—16 миллиардов, «Бэнк оф Америка»—в 14 миллиардов, «Ферст Нэшнл Сити Бэнк»—в 13 миллиардов, Меллонов—в 10—11 млрд. Этих-то подлинных спрутов монополистического капитала г-н Берли живописует так, будто в них ничего капиталистического не осталось.

У конвейеров — «средний класс»

Профессору Берли мало того, что он изобразил капиталистические монополии в роли этаких Санта-Клаусов, рождественских Дедов-Морозов, доставляющих полное удовольствие американскому народу. Профессору не откажешь в богатстве фантазии. Оказывается, эволюция социальной структуры в США зашла уже так далеко, что «сам трудящийся живет, мыслит и чувствует не как угнетенный пролетарий», а совсем иначе, «как представитель среднего класса». Ну, а что же говорят факты? Известно, что на долю американских трудящихся, то есть подавляющего большинства народа, приходится лишь 40 процентов национального дохода страны. Красноречивая цифра! Она означает, что больше половины всего богатства страны попадает в карманы ничтожной горстки монополистов.

С голословной теорией превращения американского пролетариата в «средний класс» тесно связана своеобразная трактовка профессором Берли роли профсоюзов. Американские профсоюзы, пишет он, «отказались от попытки захватить собственность или взять на себя управление страной...» Позволительно, однако, напомнить, что при капиталистическом строе профсоюзы развиваются как организации, защищающие экономические интересы рабочего класса. Коренные же задачи переустройства общества на социалистических началах ставятся и решаются рабочим классом и его союзниками под руководством политической партии пролетариата, а вовсе не тред-юнионов.

Пытаясь создать иллюзию социальной гармонии, классового мира в США, профессор умалчивает о могучей стачечной борьбе, которую ведет американский рабочий класс (сошлемся хотя бы на последнюю беспрецедентную по силе стачку полумиллиона сталеплавильщиков, которая в течение длительного времени парализовала металлургическую промышленность США). Разве это не яркое свидетельство социальных антагонизмов, потрясающих самые основы современного капиталистического общества?!

Но мы снова слышим голос г-на Берли, излагающего роль «третьего элемента». Американское правительство, заявляет он, самым упорным образом отказывается быть всего-навсего выразителем интересов «класса собственников». Что же в самом деле произошло? С превращением капитализма в монополистический капитализм во все более широких масштабах развивается процесс сращивания монополий с государственным аппаратом, развиваются государственно-монополистические формы капитализма и т. д. Но г-н Берли умалчивает об этих прозаических вещах. Он возвещает, будто буржуазное государство выступает против класса «собственников-финансистов», что оно стоит над классами.

Как на довод в пользу этого, мягко говоря, смелого тезиса профессор ссылается на... закон о создании федеральной резервной системы банков, принятый в 1913 году, хотя каждому студенту известно, что эта система, обслуживающая потребности американского монополистического капитала, доподлинно ставит кредит нации на службу интересам монополий.

Второй довод г-на Берли еще удивительнее. Профессор ссылается на «Новый курс». Как известно, «Новым курсом» называлась система государственно-монополистических мер, направленных на преодоление разрушительнейшего кризиса 1929—1933 годов. Меры эти укрепляли зашатавшееся здание американского капитализма. Когда последствия экономического кризиса были преодолены, «большой бизнес», нимало не церемонясь, начисто отбросил «Новый курс» как ненужный хлам.

Проделав столь «доказательные» экскурсы в различные области социально-экономической жизни, профессор заключает: «Таким образом, к середине нынешнего века в Америке существовала так называемая капиталистическая система, в которой, по существу, исчезли все элементы, имевшие определяющее значение в минувшем столетии», — и марксизм опровергнут победоносным пером Берли!

Итак, капитал существовал в XIX веке, в XX веке он стал монополистическим капиталом, следовательно... «исчез» определяющий момент капитализма.

Эксплуатация существовала в XIX веке, в XX веке поднялись ее нормы и ее интенсивность, следовательно... «исчез» другой признак капитализма.

Рабочий класс отстаивал свои права в XIX веке, в XX веке возросли его организованность и сила напора, острота стачечной борьбы, следовательно... «исчез» третий элемент капитализма.

Буржуазное государство в XIX веке было представителем класса капиталистов в целом, в XX веке оно стало в основном выразителем интересов монополистического капитала, крупнейшая роль стала принадлежать государственно-монополистическим формам в экономике, следовательно... «исчез» еще один элемент капитализма.

Такова, с позволения сказать, логика г-на Берли-младшего. Один немецкий писатель как-то иронически заметил: «Самая тяжелая болезнь мира — мышление! Она неизлечима». Г-н Берли практически опровергает это положение.

Профессор признает кое-какие мелкие недочеты в идиллически изображенной социальной структуре Америки. Система распределения в Штатах, замечает он скороговоркой, еще «очень далека от совершенства. В ней имеют место всякого рода... несправедливости», ассигнование достаточной части национального дохода на просвещение и другие области, не приносящие прибыли, представляет еще «трудную проблему». Необходимо, небрежно роняет он, изыскивать более совершенные методы поддержания равновесия между потреблением и производством.

Так просто: взять да усовершенствовать «методы сохранения равновесия», и не будет экономических кризисов, которые только за послевоенный период трижды (в 1948—1949, в 1953—1954 и в 1957—1958 годах) потрясли американскую экономику! Профессор, наверное, знает столь же простой способ исправить «недостатки в распределении». Ведь свыше 45 процентов общего числа американских семей получает совокупный доход ниже скромного прожиточного минимума, определенного самими буржуазными экономистами. Миллионы безработных и целые районы страны, официально признаваемые «районами бедствия», — все это, по-видимому, тоже следует изящно именовать «небольшими недостатками распределения».

Такова, с позволения сказать, научная картина современной американской капиталистической действительности в исполнении буржуазного профессора. Стоило пустить в ход немного словесной патоки (г-н Берли знает в этом толк—он не только профессор, но и бизнесмен, возглавляющий компанию по изготовлению черной патоки), прикрыть вопиющие социальные антагонизмы флером наукообразной терминологии,—и под руками буржуазного апологета реальный капитализм превращается в призрачный мир социальных гармоний. Впрочем, это—малопродуктивное занятие. Обмануть оно, пожалуй, может лишь желающих обмануться. Как бы ни переименовывали капитализм, как бы торжественно ни провозглашали его «обществом, стоящим выше собственности», суть его от этого не меняется. Противоречия между трудом и капиталом, производством и распределением исчезнут с исчезновением капитализма.

Я. КРОНРОД,
доктор экономических наук

«Почему я ратую за социалистический реализм...»

ПОЛЬСКАЯ печать продолжает публиковать материалы состоявшегося недавно десятого съезда писателей Польши. «Трибуна люду» напечатала обширные фрагменты содержательного доклада видного критика Стефана Жулкевского на съезде. «Писатель и общество» — так называется этот доклад, в котором С. Жулкевский касается самых злободневных проблем развития современной польской литературы.

Одна из этих проблем — истолкование творческого метода социалистического реализма. Известно, что еще несколько лет назад, в разгар ревизионистских нападок на социалистическую литературу и искусство, делались попытки (в том числе и польскими авторами) зачеркнуть значение социалистического реализма для мировой культуры, взять под сомнение художественные ценности, созданные на его основе. Поэтому С. Жулкевский сразу же подчеркивает в своем докладе, что для того, «чтобы разумно говорить о развитии мировой художественной культуры нашего века, нужно прежде всего осознать международное значение идейно-художественного явления, которое мы называем социалистическим реализмом». Было бы бессмыслицей отождествлять его с отдельными неудачными произведениями, особенно послевоенного периода, когда, в частности, в Польше дали себя знать некоторые ошибочные тенденции в культурной политике. Уже на протяжении по меньшей мере полувека, сказал Жулкевский, существует социалистический реализм, и, говоря о нем, следует иметь в виду не только творчество Горького, Шолохова, Эренбурга, Маяковского, Кручковского, Брехта, Арагона и других крупнейших мастеров современности, но и своеобразие историко-литературных процессов во многих странах, своеобразие, которое помогает художникам выйти из творческого тупика, преодолеть заблуждения, найти верные пути.

Меня могут спросить, сказал С. Жулкевский, почему я так ратую за социалистический реализм. Ведь он не охватывает всего потока мировой культуры. Отвечая на этот вопрос, польский критик отметил, что, несмотря на заслуженно широкое международное признание и популярность творчества ряда писателей, например Хемингуэя, Моравиа, Дюренматта и других, по его мнению, не эти писатели «являются решающей силой в борьбе за принципиальное направление в развитии искусства нашей эпохи. Эта сила, на мой взгляд, — социалистический реализм».

Процесс развития послевоенной польской литературы шел сложными путями, особенно после 1949 года, когда на некоторое время получил хождение ряд догматических литературных концепций. Они ограничивали творческие возможности социалистического реализма, суживали задачи, стоявшие перед писателями, сглаживали конфликты действительности, искажали отдельные положения теории литературы. Это не могло не отразиться на творчестве, и тем не менее, сказал докладчик на съезде, в те годы шел процесс политического и общественного созревания литературы, те годы принесли немало интересных полноценных книг. К ним следует отнести «Дневник рабочего фабрики «Целлюлоза» Игоря Неверли, «Старое и новое» Люциана Рудницкого, «Граждане» Казимежа Брандыса, «Уголь» Сцибора-Рыльского, «Поколение» Богдана Чешко и другие.

Последние три года, по словам Стефана Жулкевского, принесли польской литературе особое богатство и разнообразие выразительных средств. Он отмечает широту тематики книг последнего времени. И хотя трудно назвать произведения, которые давали бы полнокровную картину перемен, происходящих в стране, тем не менее важно подчеркнуть, что наиболее значительные из недавно вышедших книг раскрывают проблематику с социалистических идейных позиций. Докладчик назвал здесь книги «Жизнь большая и маленькая» В. Маха, «Дыра в небе» Т. Конвицкого, «Римский дневник» Т. Брезы, новеллы К. Брандыса и пьесу Л. Кручковского «Первый день свободы». «О возможностях художественного обновления в русле творческого метода социалистического реализма мне выразительней всего говорит новая пьеса Кручковского — произведение большой силы, искренности и творческой смелости».

С. Жулкевский напомнил и о «тенях» последних трех лет развития польской литературы, о бытующих еще заблуждениях в области теории. Одно из них сводится к тому, что порою «новаторство в литературе отождествляется с направлением западной литературы, отворачивающимся от революции, решительно индивидуалистическим, подчеркивающим трагический иррационализм и даже абсурдность судьбы и существования». Другое заблуждение — незаслуженно высокая оценка всякого рода модернистских течений. Необходимость правильного анализа всего процесса мировой литературы особенно важна, заметил докладчик, для ориентации молодых писателей, которые отнюдь не лишены таланта, но которым явно не хватает умения выделить главное в кругу проблем, не хватает понимания, для кого они пишут.

«Волна антисоциалистической «черной литературы» схлынула быстро. Влияние политически реакционных тенденций выражается в нашей литературе пока что слишком медленным освоением нового социалистического содержания. Перед социалистическим строительством стоят задачи не месяца или года, а целой эпохи в области действительной гуманизации отношений между людьми... в области культурной революции в Польше и сфере преобразования общественного сознания», — сказал Стефан Жулкевский, критикуя взгляды польского философа Л. Колаковского, считающего, в частности, что нельзя планировать развитие общества на длительный период, поскольку, дескать, человеческая мысль скоро становится косной.

В заключение доклада С. Жулкевский остановился на значении партийного руководства в литературе. «Партия хочет средствами идеологии бороться за правильное направление развития искусства. Она хочет помочь писателям, ставшим на путь реализации актуальных задач социалистического строительства... Голос партии должен быть необходимым вкладом в решение проблем культуры. Я думаю, что и правильность художественных исканий будет тем большей, чем чаще к этому политическому голосу будут прислушиваться с вниманием и доверием».

НЕУМНАЯ ВЫХОДКА

Есть в американском штате Флорида маленький городок Кокоа. Не так давно на одном из перекрестков местные власти установили столб с указателями, — он изображен на этом фотоснимке, который взят нами из американской газеты «Нэйшнл гардиан». Нижняя стрелка сообщает, что до здания муниципалитета — 4 квартала. Средняя указывает расстояние — 18 миль — до мыса Канаверал, где находится американский ракетный полигон и производятся запуски баллистических ракет. На верхней стрелке написано: «МОСКВА 5750 миль или 1 Атлас», — последние слова, очевидно, надо понимать в том смысле, что именно таков радиус действия американской баллистической ракеты «Атлас» и что Москва, следовательно, достижима... Неумная выходка, неуместное хвастовство!

Воинственное настроение властей городка Кокоа, весьма вероятно, навеяно близостью американского ракетного полигона. Но оснований для подобной воинственности, собственно говоря, не так уж много: мыс Канаверал известен, пожалуй, не столько взлетевшими ракетами, сколько неудачными запусками. В то же время городским чиновникам Кокоа не мешало бы знать, что у Москвы, которой они угрожают, есть ракеты, точность и дальность действия которых были уже не раз продемонстрированы всему миру.

...Нет на столбе стрелки, указывающей расстояние до ближайшей психиатрической больницы. А жаль! Травмы «холодной войны» порой следует лечить с помощью психиатра...

Время, события, люди...

ИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

НУЖЕН МОШЕННИК!

ЭТО на журналистская гипербола. Если бы влиятельным боннским кругам а качестве вараоочки в их обширном хозяйства среди многого прочего не требовались всякого рода мерзавцы и мошенники, карьера Герхарда Больмана — он же д-р Гефлинг, он же Болле, он же Бэрвальд — была бы совершенно непостижима. Уже одно обилие кличек, под которыми известен Больман, — безошибочная примета: перед нами профессионал-уголовник, хоть и подвизается он в импозантном амплуа политика и журналиста.

«Многие газетные утки «холодной войны» и провокационные новости в газетах фронтового города (то есть Западного Берлина),— пишет берлинский журнал «Нейе дейче прессе», — начинаются словами: «Как сообщает Информационное бюро Вест (ИВЕ)...» Далее обычно следует вздорная и клеветническая фальшивка, направленная против Германской Демократической Республики или против Советского Союза, против всего социалистического лагеря. Автором, организатором и распространителем этих фальшивок и является Герхард Больман — заправила Информационного бюро Вест.

Потребители больманского вранья — западноберлинские органы печати, многочисленные западногерманские газеты, политические и экономические организации. В числе его клиентов — газеты «Ди вельт», «Гамбургер абендблатт», «Боннер берихте», боннское телеграфное агентство ДПА. Этих непритязательных герольдов «свободного общественного мнения» нисколько не смущало, что у Больмана, как у Ноздрева, «кое-что и пригорело, кое-что и вовсе не сварилось», ибо повар руководствовался принципом: «катай-валяй, было бы горячо, а вкус какой-нибудь, верно, выйдет».

Впрочем, Больман торгует не только газетными утками, он также поставляет иностранным разведкам шпионскую информацию, добываемую его сотрудниками на территории ГДР. И, следовательно, представляет «особую ценность».

Не раз он хвастался своими «высокими связями», козырял там, что вхож в дом боннского министра по общегерманским вопросам Леммера и принадлежит к кругу его излюбленных партнеров по игре в скат.

Однако и на Машку бывает промашка, говорит пословица. Промахнулся и Больман. На курорте в Швальбахе он попался на уголовщине чистейшей воды, был уличен в мошенничестве, задержан полицией и препровожден в уголовный розыск в Бонне. Но Больман не только хороший игрок в скат. Вся его фабрика фальшивок находится под крылышком министерства Леммера и финансируется им. Следует напомнить, что у Больмана немалые «заслуги» и в прошлом: он «работал» на ведомство Геббельса. Такими кадрами Бонн не швыряется. Поэтому последовало незамедлительное нажатие соответствующих кнопок...

В результате вмешательства начальника отдела печати леммеровского министерства фон Хаммерштейна и уполномоченного министерства в Западном Берлине Фоккеля дело против Больмана было приостановлено. Добрые гении из боннских сфер тонко намекнули не в меру усердным полицейским служакам, что «в Бонне считают нежелательным привлечение Больмана к ответственности: он имеет неоценимое значение в борьбе против коммунизма». А антикоммунизм кое-что значит на весах покладистой боннской Фемиды!..

ПЯТЬ УДАРОВ...

В НАЧАЛЕ декабря генерал - губернатором Южно-Африканского Союза назначен Чарльз Робертс Сварт. Старый знакомый! Сварт последнее время был министром юстиции ЮАС и «прославился» директивой полиции: «Сперва стрелять, а потом задавать вопросы»... Он — закоренелый расист, ярый пропагандист телесных наказаний. Мы не стали бы сейчас возвращаться к его новому назначению, если бы не обнаружили в английской газете «Дейли миррор» статью Кассандры «Пять ударов в кругу друзей», в которой набросан очень колоритный портрет Сварта. Кассандра пишет:

«...Друзья Сварта называют его «скромным», «искренним», «милым», «простым» и «обезоруживающим». Некоторые из его врагов — а имя им легион — тоже готовы признать, что наряду с фанатическими пороками у него есть и достоинства.

Но об этом «милом» человеке рассказывают зловещую историю.

В те дни, когда Сварт протаскивал свой «законопроект о бичевании», он явился в парламент с плетью... Он с готовностью позировал перед фотографами, сжимая в руке тяжелую плеть из кожи носорога.

Оппозиция развернула небольшую дискуссию по поводу размеров порки и потребовала принятия поправки о снижении числа ударов плетью по новому законопроекту Сварта с пятнадцати до десяти.

Г-н Сварт одарил членов оппозиции скромной, искренней, милой, простой и обезоруживающей улыбкой и сказал: «Ну, какое значение имеют пять ударов в кругу друзей?»...

Действительно, стоит ли торговаться: пятью ударами больше, пятью ударами меньше — какое это имеет значение?! Важно, чтобы плеть была пущена в ход и загуляла по спинам негров!

Сварт выдает себя за убежденного республиканца и врага колониальной Англии, но тем не менее охотно принял пост генерал-губернатора. «При исполнении, — продолжает Кассандра, — этой двойственной роли республиканца и королевского слуги Сварт может использовать свой актерский опыт, так как он прошел подготовку в Голливуде и в свое время играл роль шерифа в картине из жизни Дикого Запада и снимался в одном фильме вместе с Борисом Карловым» (известный актер, исполняющий роли злодеев и садистов. — Прим. ред.).

По мнению Кассандры, Сварт не только беспринципный актер на политической сцене, он — само воплощение «репрессивного аппарата расового угнетения», существующего в Южной Африке.

Садист в роли генерал-губернатора — какая насмешка над справедливостью!

НЕ БУДЬТЕ ОТРАВИТЕЛЯМИ!

Рисунки Н. Лисогорского

АВСТРИЙСКАЯ газета «Нейес Эстеррейх» называет себя «независимой». Если судить по некоторым суждениям, которые содержатся, например, в статье Герберта Гусинского «Произошли ли всемирнополитические чудеса?», опубликованной недавно этой газетой, то она и впрямь независима — независима от... фактов.

Правда, есть в статье капля «меда» — капля реалистических оценок. Это — дань времени. Без этого, как правило, ныне не выступают западные международные наблюдатели. Так, Г. Гусинский пишет, что хотя «всемирнополитических чудес не произошло», но все же «создалась более благоприятная атмосфера для деловых переговоров», «Восток и Запад по крайней мере начали создавать предпосылки для деловой дискуссии» и что «новый тон» достигнут в особенности благодаря поездке Н. С. Хрущева в США.

Вот мы и исчерпали «каплю», на которую отважился автор «Нейес Эстеррейх». Что же следует дальше? Дальше — нечто совершенно иное...

«Атмосфера со всей очевидностью улучшилась», но автор предостерегает: не думайте, что «коммунисты отказались от своей конечной цели — мирового господства», то есть от насильственного установления в мире коммунистического строя. И вслед за тем оповещает читателей, что ему, Герберту Гусинскому, доподлинно известно, о чем ныне помышляют в «Кремле». Оказывается, вот о чем: «В Кремле, вне сомнения, и сегодня еще мечтают видеть Москву столицей вселенной». И если «Кремль» «отказался от войны как от средства достижения цели», то только потому, что «учитывает сокрушительную силу современного оружия».

Приходится огорчить Гусинского: «Кремлю» от всего этого отказываться не пришлось, так как подобная «цель» не ставилась и посему достижение ее гусинскими средствами не имелось в виду. Но Гусинскому, грубо говоря, наплевать на это. Ему нужно, чтобы такая «цель» была! Ибо без пресловутой «советской опасности» нет «холодной войны» и международному наблюдателю типа Гусинского наблюдать не за чем. Если же «советскую опасность» удается изобрести, то тогда можно бить тревогу, кричать караул, взывать к «сохранению единства Европы». «Европе нельзя забывать, — пишет Гусинский, — о своем долге в своих собственных интересах и интересах всего мира».

Размахивая истасканным жупелом мифической «советской угрозы», гусинские продолжают вести «холодную войну», запугивают читателей, пытаются уверить их в том, что Советский Союз миролюбив лишь в силу «необходимости».

Конечно, «всемирнополитических» и любых других чудес не бывает. Но, право же, мы не сочтем за чудо, если в нейтральной Австрии найдутся люди, которые, наконец, скажут гусинским: не будьте отравителями, перестаньте мутить воду!

Советские писатели в Индии

В Мадрасе закончилась всеиндийская конференция писателей. На заключительном заседании выступил руководитель советской делегации Борис Полевой, который от имени писателей СССР приветствовал индийских писателей. Участники конференции аплодисментами встретили заявление Б. Полевого о том, что в Советском Союзе переведено и издано около 300 произведений индийских писателей общим тиражом 12 млн. экземпляров.

Делегацию советских писателей принял премьер-министр Индии Неру. Во время встречи, проходившей в исключительно теплой обстановке, состоялась дружественная беседа. Советские писатели преподнесли Неру макет искусственного спутника Земли, произведение Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», альбом со снимками древних раскопок в Туркменистане, книгу Ганди «Моя жизнь», переведенную на русский язык, а также ряд других изданий. Неру тепло поблагодарил советских писателей за подарки и поздравил их с наступающим Новым годом.

На встрече советских писателей с Неру присутствовал посол Советского Союза И. А. Бенедиктов.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—04713